

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

НАГАПЕТЯН Карина Жирайровна

**ЯЗЫКОВОЕ БЫТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ
МИРОПРОВОДАРИВАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Специальность
09.00.13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
Зайцев Павел Леонидович,
доктор философских наук, доцент

Омск – 2015

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Языковая реальность как форма бытия мировоззрения в культуре.....	12
1.1. Миропроговаривание – миропонимание в языковой реальности этноса, класса, поколения.....	14
1.2. Чувственное и символическое в языковой реальности	30
1.3. Языковой каркас современной научной картины мира	45
Глава 2. Исторические метаморфозы миропонимания в русской культуре.....	63
2.1. Мирозидание в онтологической структуре русского фольклора.....	65
2.2. Любовь в русской религиозной философии.....	81
2.3. Расчистка культурного сознания в языковом мире русского коммунизма.....	96
2.4. Сакрализация бренда в современной русской культуре.....	112
Заключение.....	129
Библиографический список.....	131

Введение

Актуальность темы исследования. Язык и культура никогда не являлись самостоятельными и, тем более, обособленными друг от друга феноменами. Любая область культуры может быть осмыслена как вербальное, проговариваемое пространство, пространство языковой реальности. Возникновение культуры связывается, прежде всего, с оформлением языковой сферы социума, ее основные социально и культурно значимые константы фиксированы в слове. Языковая реальность, являясь порождением социокультурного пространства, сама обладает культуротворческим потенциалом.

На мировоззренческом уровне актуальность заявленной темы заключается в установлении принципов развития культуры как языкового концепта, включающего в себя культурно-языковые особенности парадигм мышления и миропонимания. Каждому историческому типу культуры соответствует своя языковая реальность и устойчивое размежевание, обособление одной культурной эпохи от другой, а также фиксация основных социально и культурно значимых констант, которые "проговариваются" именно в языковой реальности. Рассматриваемые в работе мировоззренческие установки русской культуры (от повседневных до теоретически осмысленных) позволяют заявить об основополагающем значении языковой реальности в организации бытия русской культуры.

В философии и лингвистике разработано множество подходов, отражающих взаимосвязь языка и мировоззрения, зависимость культуры от языка. Целостной же теории, объясняющей метаморфозы, происходящие с языковой реальностью, как таковой и русской языковой реальностью, в частности, в настоящее время не существует.

С точки зрения философии культуры и философской антропологии особое значение приобретает осмысление метаморфоз, затрагивающих основные константы русской языковой реальности в контексте исторических,

цивилизационных сдвигов в русской культуре. Мировоззрение, являющееся отражением общественного бытия, с необходимостью находит свое выражение в языковой реальности, которая подвержена таким же историческим изменениям, как и культура. Изменения внутри языковой сферы приводят к изменениям не только культурной среды, но и самого восприятия объективной реальности, что мы попытаемся доказать на примере изменения языкового каркаса научной картины мира.

Языковое разнообразие отражает разнообразие культурных форм общественного бытия и общественного сознания. Исходя из этого, актуальность исследования данной проблемы предполагает понимание концепта языковой реальности как реальности особого уровня и порядка, включающей в себя субъективный образ объективного мира, формирующей общественные взгляды на мир путем миропроговаривания и созидания бытия культуры.

Степень разработанности проблемы. Проблематика языковой реальности стала оформляться в истории философской мысли довольно рано в связи с ее общественной значимостью.

Первая систематическая постановка вопроса о языковом осмыслении бытия была представлена в учениях Гераклита, Платона, Аристотеля, стоиков.

Понятие языкового концепта восходит к средневековой философии и принадлежит П. Абеляру. В дальнейшем, в эпоху Нового времени, Ф. Бэконом была освещена проблема связи языка и сознания, слов и мировоззрения, зависимости восприятия реальности от понимания смысла слов.

Представители немецкой классической философии (И. Кант, Г. Гегель, И. Фихте, Ф. Шеллинг) занимались анализом символического в языке, связывая символ со знаком, обозначением мысли.

Большой вклад в изучение проблемы языка и мировоззрения внесли лингвофилософы: В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Ф. де Соссюр, Э. Кассирер, рассматривавшие язык в качестве особого мировидения, духовного центра нации, силы ее культурного развития, основы для мировоззрения.

Позитивисты Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Т. Кун, Б. Рассел обнаружили влияние смены языковых каркасов на становление науки, динамику ее развития.

Языковая проблематика была продолжена в исследованиях представителей постмодернизма: Ж. Бодрийера, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, Ж. Дерриды, Ж. Лакана, связывающих язык с определенным мироистолкованием и реальностью.

Идея проговаривания бытия впервые была освещена М. Хайдеггером.

Проблематика языка, культуры и мировоззрения в отечественной философии нашла свое отражение в работах: Н.А. Бердяева, П.П. Флоренского, В.С. Соловьева, А. Ф. Лосева, М. Эпштейна, И.А. Василенко, В. Шестаковой, Б.А. Успенского, Т.В. Ворониной, М.К. Мамардашвили, А.И. Столетова, Р. Х. Лукмановой, Б. Д. Нуриева, И. А. Василенко, А.Н. Леонтьева, В.П. Руднева, С. Г. Кара – Мурзы. Антропологичность соотношения понятий "язык культуры" и "культура языка" обосновано М. Н. Фоминой.

Особую актуальность эта проблема приобретает в работах отечественных лингвистов: Л. О. Чернейко, С. К. Гураля, М. Я. Розенфельда, В. Постоваловой, Ж.А. Вардзелашвили, О. И. Глазуновой, В.В. Виноградова, В. Г. Чукавина, Н. А. Купиной, А. А. Ворожбитовой, С. Тер-Минасовой. Анализ констант и переменных русской языковой картины мира был предпринят А. Д. Шмелевым, И. Б. Левонтиной, А. А. Зализняк.

Современные мыслители уделяют большое внимание вопросам нисходящего развития русской языковой реальности и культуры в условиях языковой глобализации, вторжения инородных элементов в пространство национальных языков. Данная проблематика нашла свое отражение в работах Г. Гусейнова, Д. В. Ефременко, В. С. Степина, Т. В. Чумаковой, И. А. Василенко, В. В. Дементьева. В частности, В. В. Дементьев вводит понятие коммуникативные ценности русской культуры, исследуя его в пределах лингвокультурологической методологии.

Основная проблема исследования может быть сформулирована в виде вопросов:

Возможно ли выделение языковой реальности в качестве особой формы бытия культуры?

Насколько исторические метаморфозы миропроговаривания в русской культуре позволяют конкретизировать концепт языковой реальности?

Объект исследования: языковая реальность как особая форма бытия культуры. **Предмет исследования:** процессы миропроговаривания и миропонимания в русской культуре.

Цель исследования: установить сущностные характеристики языкового бытия русской культуры.

Для достижения поставленной цели в диссертации необходимо решить следующие **задачи:**

1. Определить связь языка и мышления в системе миропроговаривание – миропонимание;
2. Выявить соотношение чувственного и символического уровней в пространстве языковой реальности;
3. Исследовать проблему смены научных картин мира с позиций целостности / раздробленности языкового каркаса их отражающего;
4. Сформировать представление о русской языковой реальности как о развивающейся, динамической системе;
5. Анализируя исторические метаморфозы в отечественном миропроговаривании, зафиксировать основные константы сакрального базиса русской культуры.

Методология и методы исследования. В диссертационном исследовании в качестве ведущего был использован диалектический метод, благодаря которому выявлена взаимосвязь и взаимозависимость русской культуры и русской языковой реальности, мышления и языка, зависимость видения мира от языкового каркаса.

В качестве специального метода выступает историко-типологический метод, включающий в себя следующие подходы: философско-антропологический, культурологический, лингвистический, создающие возможность для всестороннего анализа проблематики работы.

Методологическим основанием, определяющим концептуальную направленность данной работы, выступают мировоззрение и языковая реальность. основополагающими идеями в разработке данной темы являются: идея взаимосвязи и взаимозависимости русской культуры и русской языковой реальности, определяющая роль языка в формировании видения мира, бытийственность слов. На основе данной методологии в работе анализируются механизмы, повлиявшие на формирование русской культуры: русский фольклор, русская религиозная философия, русский коммунизм, с его особым, языковым миром и современные процессы образования и распространения брендов, выстраивающие новый языковой и мировоззренческий концепт.

Основной принцип диссертационного исследования – от общефилософских методов исследования к специальным.

Источниковая база исследования. Теоретической основой данного исследования послужили классические труды зарубежных и отечественных авторов по проблематике языка и культуры: И. Канта, Ф. Гегеля, В. фон Гумбольдта, Э. Кассирера, Л. Вайсгербера, Р. Карнапа, Т. Куна, Ж. Бодрийяра, Н. Кляйн, Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, П.А. Флоренского, А. Ф. Лосева, С. Г. Кара-Мурза, А. Ю. Семаш, М. Эпштейна, Ж.А. Вардзелашвили, Ю. М. Лотмана, В. П. Руднева, В. В. Николина и др.

Наиболее важные теоретические разработки, используемые в данном диссертационном исследовании, принадлежат М. Хайдеггеру («Бытие и время»), на основе утверждений которого строятся дальнейшие положения о значении миропроговаривания для миропонимания, и М.Эпштейну («Слово и молчание русской культуры»), идеи которого определили наше видение исключительности природы русской языковой реальности, способности слова к бытию в русской культуре.

Научная новизна исследования. Основные результаты диссертационного исследования, определившие его научную новизну, могут быть выражены в следующих положениях:

1. Показана связь культуры с языковой реальностью, заключающаяся в возможности языковой реальности творить культуру посредством социально и культурно значимых языковых констант;

2. Трех ступеням последовательного мировоззренческого освоения мира "мироощущение" – "мировосприятие" – "миропонимание", традиционным для философии, противопоставлена конкурентная двухступенчатая модель "миропроговаривание – миропонимание";

3. Определены основные черты чувственного и символического уровня в языковой реальности на основе исследования особенностей формирования мировоззрения различных социальных общностей: этноса, класса, поколения;

4. Описан процесс смены научных картин мира с позиций целостности / раздробленности языкового каркаса, изучен и теоретически описан языковой каркас современной научной картины мира;

5. Раскрыта специфика русской языковой реальности как динамичной, развивающейся системы, раскрыты исторические метаморфозы временных механизмов, ответственных за выработку социально и культурно значимых языковых констант в русской культуре;

6. Исследована гиперреальность бренда в русской языковой реальности как симуляции сакрального, в условиях которой за брендом фиксируется функция создания бытия.

Положения, выносимые на защиту. На основе проведенного исследования сформированы следующие научные положения.

1. Двухступенчатая модель мировоззренческого освоения мира миропроговаривание – миропонимание представляет собой новый способ осмысления действительности, раскрывающий эвристический смысл идеи "проговаривания бытия".

2. Через бытийственность слова, трансформирующего физический мир в мир языкового бытия, происходит совмещение физического и символического универсумов в пространстве языковой реальности, при котором взаимодействие начинает происходить с символическими двойниками.

3. Социально и культурно значимые языковые константы, собирающиеся в каркас языковой реальности, определяют видение и понимание реальности конкретного культурного периода, отражают мировоззренческие установки культуры определенной эпохи.

4. Исторические метаморфозы миропонимания в русской культуре обусловлены динамикой сакрального базиса русской языковой реальности, в котором социально и культурно значимые языковые константы приобретают вневременное и надличностное значение.

5. В русском фольклоре фиксируется зарождение русской языковой реальности, языковой каркас русского фольклора, построенный на оппозиции понятий доли и недоли, правды и кривды, добра и зла содержит в себе зачатки онтологической и социально-философской проблематики и может быть рассмотрен как предфилософская форма мировоззрения. Оппозиция любовь – нелюбовь, имеющая фольклорные корни, становится ключевой темой русской религиозной философии и отличительной чертой русского культурного сознания.

6. Обесценивание сакрального базиса русской языковой реальности, подмена "священного" на "идейное" происходит при распространении усеченного типа миропроговаривания, порожденного русским коммунизмом. Эффективность управления общественными массами в рамках особого, советского миропроговаривания достигалась при помощи советизмов. Сегодняшние метаморфозы миропроговаривания фиксируются в процессах сакрализации брендов, появлении брендового мировоззрения.

Теоретическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования заключается в раскрытии значимости влияния языка на культуру, содержит в себе возможности создания на его основе концепции

символического универсума и современной культуры, неотделимой от языка, не позволяющей рассматривать язык и культуру в качестве обособленных явлений. Формируется новое понимание действительности, согласно которому, миропроговаривание есть ключ к миропониманию. Вне языка культура не существует, язык, детерминирует культуру, являясь средством ее сохранения и передачи.

Данное исследование анализирует сущность русской культуры и русской языковой реальности, как ее фундаментального элемента, указывает на их тождественность, но между ними также есть и различия.

Практическая значимость работы. Практическая значимость исследования заключается в том, что на его базе возможна разработка учебных курсов по культурологии, философии культуры, онтологии, антропологии в высших учебных заведениях. Оно способствует формированию ценностного отношения к собственной культуре и языку.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность и обоснованность теоретических положений, результатов исследования и выводов обеспечивается опорой на философско-методологические принципы, систематическим и детальным анализом первоисточников, опорой на классические философские концепции.

Основные положения были изложены на научных и научно-практических конференциях: Межвузовская научная конференция преподавателей и студентов «Проблемы философии, психологии, экономики и управления» (ОмГТУ, Омск 2007); Межвузовская научная конференция преподавателей и студентов «Проблемы философии, психологии, экономики и управления» (ОмГТУ, Омск 2008); VII Международная научно-практическая конференция «Динамика систем, механизмов и машин» (ОмГТУ, Омск 2009); Региональная научно-практическая конференция «Омские социально-гуманитарные чтения - 2010» (ОмГТУ, Омск 2010); Региональная научно-практическая конференция «Омские социально-гуманитарные чтения - 2011» (ОмГТУ, Омск 2011).

Основные положения диссертации отражены в научных статьях в журналах: «Вестник Омского Университета» (2011, 2011), «Омский научный вестник» (2011), рекомендованных ВАК, а также научных журналах «Вестник Омского регионального института» (2009), «Альфа» (2010), «Молодой ученый» (2015).

Структура диссертации определяется целью и предметом исследования. Диссертация состоит из введения, 2 глав: первой главы, разделенной на три параграфа, и второй главы, разделенной на четыре параграфа, заключения и библиографического списка. Содержание работы изложено на 145 страницах. Список литературы состоит из 185 наименований.

Глава 1. Языковая реальность как форма бытия мировоззрения в культуре

Проблема семиозиса культуры, вербального языка, являющегося средством передачи информации и общения, его места в культурном пространстве, является одной из центральных тем исследований философов, лингвистов и культурологов. Ряд философских концепций и учений в данной области указывают на факт того, что вербальный язык выполняет особые функции в культуре, являясь для индивидов естественной знаковой системой.

Существует тесная и неразрывная связь между культурой, этносом и языком. Человек не существует в отрыве от языковой реальности, составляющей одну из основных его сущностных черт. Именно анализ продуктов языковой реальности дает представление о сознании, психическом мире людей, развитии их культуры в целом. Язык является главным и мощнейшим средством формирования общественных взглядов и идеологии. В нем помимо общечеловеческого культурного компонента, выражен национальный компонент.

Язык объединяет индивидов и различные группы, помогает в общении с окружающими людьми. Благодаря языку осуществляется единство нации, укрепление государства. Язык является неотъемлемой частью культуры, без него невозможно нормальное функционирование общества. Без его знания невозможно было бы понять мир и все, что в нем существует.

Различие языков, объясняется, прежде всего, различием культур. Язык является отражением культуры и одним из средств ее трансляции и культурной идентичности. Язык есть средство отражения реальности, он впитывает в себя все достижения культуры, а культура, в свою очередь, связана с особенностями конкретного языка. Таким образом, язык также играет важную роль в интеграции культур.

Культурную специфику тех или иных носителей языка составляет совокупность концептов, неразрывно связанных с этнической спецификой,

отражающей особенности мировоззрения, а также ментальность этноса, в рамках которого она зародилась. Представитель той или иной нации или этноса является носителем языка, языковой личностью. О той или иной нации думают, прежде всего, как о культуре, с которой ее ассоциируют. Для каждой культуры характерна особая динамика развития языка, а также человеческого мышления.

Реальный мир существует в виде картины мира, включающей в себя культурную картину мира, специфичную для различных народов и языковую картину мира, которая отражает реальность через культуру. Следует отметить тесную взаимосвязь между культурной и языковой картинами мира. Именно язык хранит и передает культурную картину мира, являющуюся первичной по отношению к нему, через миропроговаривание и миропонимание.

Таким образом, слова не просто называют вещи, но и встраивают их в картину мира. Посредством языковой реальности формируется языковая картина мира, которую можно определить, как сложившуюся в обыденном сознании языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Картины мира в различных языках имеют как сходства, так и различия. В каждом языке существует ряд специфичных концептов, которые не могут быть переведены на другие языки. Исследование данных концептов в условиях их взаимосвязи и культуры, в рамках которой они появились, позволяет понять сущность языковой картины мира. Тем не менее, чтобы точнее и полнее понять и увидеть зависимость и взаимосвязи между культурой и языковой реальностью, которую она производит, необходимо подробнее остановиться на проблеме языковой реальности в структуре мировоззрения различных этносов, классов и поколений, дабы проследить ее основную сущностную специфику.

§ 1. Миропроговаривание - миропонимание в языковой реальности этноса, класса, поколения

Миропроговаривание – миропонимание является инверсией схемы мироощущение, мировосприятие, миропонимание, характерной для философской системы изучения мировоззрения индивида. Миропроговаривание – миропонимание – иной путь построения мировоззрения, когда языковая реальность рассматривается в качестве основного фактора формирования взглядов на мир, отношения к объективной реальности.

Языковой реальности, в данном случае принадлежит роль транслятора знаний и жизненных позиций в культурном пространстве социума, а также средства получения этих знаний об окружающем мире. На ее основе происходит формирование внутреннего мира индивида, его характера и привычек, закладывается личность. В данном случае язык выступает как особого рода знаковая система, включающая в себя определенную совокупность концептов.

Рассматривая взгляды общества на мир под углом конкретной языковой парадигмы, можно проследить ряд интересных особенностей и закономерностей. Данный подход является наиболее репрезентативным в представлении мировоззрения этноса, класса, поколения. Задача параграфа – установление связи и зависимости мировоззрения от языковой реальности, механизмов зависимости видения мира и картин мира, складывающихся в сознании людей под влиянием конкретного языка через миропроговаривание - миропонимание. Для этого необходимо выявить закономерности, характерные для мировоззрения носителей конкретной языковой реальности, механизмы постижения мировоззрения носителей иной языковой реальности, найти некие общие черты и различия, отраженные в особенностях конкретного языка.

Для установления связи «языковая общность – языковая реальность» и самой возможности говорить об этносе, классе и поколении как языковой

общности, требуется проследить взаимосвязь языковой общности и языковой реальности на основе анализа конкретных мировоззренческих установок тех или иных языковых носителей, поиска специфических черт, характерных для языкового видения данной языковой общности.

Прежде чем перейти к рассмотрению языкового видения мира, необходимо понять, что представляет собой само понятие «мировоззрение», какие существенные черты и характеристики он в себя включает, то есть определить его философскую специфику.

Под мировоззрением, в широком смысле, принято понимать совокупность знаний, убеждений, чувств. Это целостное понимание людьми мира, самих себя, своего места в этом мире, таким образом, мировоззрение является отражением общественного бытия и общественного сознания. Так, например, в классовом обществе мировоззрение всегда носит классовый характер, а господствующим мировоззрением является мировоззрение господствующего класса. «Мировоззрение – концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире. Мировоззрение зависит от обыденного наличного опыта человека, оно связано с потребностями, целями, интересами человека, с его окружением. Однако мировоззрение предполагает образ «мира как целого», что достигается при возможности «возвышения» над обыденностью повседневного существования и при выходе в сферу всеобщности»¹.

Мировоззрение, являясь формой общественного сознания, охватывает различные пласты человеческого опыта, определяет видение мира, а также программы поведения и различные действия людей. Таким образом, это некая матрица, закладывающая привычки человека, это то, что наполняет жизнь человека смыслом, поскольку включает в себя различного рода рефлексии над окружающей действительностью. «Разнородные «блоки» знаний, убеждений, мыслей, чувств, настроений, стремлений, надежд, соединяясь в мировоззрении,

¹ Современный философский словарь / под общ. Ред. В.Е. Кемерова. М.: Изд-во Панпринт, 1998. С. 487.

предстают как более или менее целостное понимание людьми мира и самих себя»¹.

Посредством мировоззрения происходит интеграция индивидов и различных социальных групп в общество. Таким образом, миропонимание, будучи элементом мировоззрения, не только формирует общественное бытие, общественное сознание, но и бытие и сознание индивида. «Мировоззрение – единство знаний и ценностей, разума и чувств, миропонимания и мироощущения, разумного обоснования и веры, убеждения и сомнений. В нем переплетены общественно значимый и личный опыт, традиционные представления и творческая мысль»². Мировоззрение представляет собой плодотворную почву для объединения определенных общностей людей на основе конкретных взглядов на мир и отношения к нему.

Следовательно, проблема мировоззрения непосредственно связана с проблемой миропонимания. Являясь одним из элементов мировоззрения, миропонимание включает в себя определенную совокупность концептов, представляющих, в свою очередь, сумму образа и слова конкретного языка. Миропонимание не может существовать без языковой реальности. На основе миропонимания складывается определенная система взглядов на мир и отношения к нему, то есть, соответственно, формируется мировоззрение. Как указывает И. Т. Фролов в своих работах: «Элементы мировоззрения – это прежде всего идеи, концептуальные образы, создающие определенную картину мира и человека. На основе этого концептуального миропонимания возникает оценка человеком себя, своего окружения, своей жизни в мире»³.

В истории философии представлено множество различных точек зрения на природу и особенности мировоззрения, а также место языковой реальности в структуре мировоззрения. Их точный анализ позволяет выявить основные закономерности исследуемой проблемы. Историко-типологический характер структурирования материала позволяет наиболее четко проанализировать

¹ Введение в философию: учебник для вузов / Авт. колл. И. Т. Фролов и др. в 2-х томах. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 23.

² Там же, С. 27.

³ Современный философский словарь / под общ. Ред. В.Е. Кемерова. М.: Изд-во Панпринт, 1998. С. 488.

проблему связи языка, миропонимания и мировоззрения в рамках различных философских концепций, что лишний раз подчеркивает актуальность данного вопроса.

Проблема соотношения видения мира и языка была рассмотрена еще древнегреческими философами. Так, одним из античных философов, занимавшихся проблемами философии языка, являлся Платон, считавший, что человек, рассматривая мир в языковом оформлении, мыслит мир как бытие. В своем диалоге «Кратил» Платон ставил вопрос, закрепляет ли язык форму за содержанием по природе или по соглашению. Стоики рассматривали знак в качестве сущности, образующейся отношениями означающего и означаемого.

Одним из первых философов, показавших связь между языком и сознанием человека, словами и мировоззрением, был Ф.Бэкон. В своей работе «Новый Органон»¹ философ утверждал, что от понимания смысла слов зависит субъективный образ объективного мира, то есть мировоззрение и миропонимание человека.

Обращение к данной проблеме наблюдается в философии более позднего периода. Так, например, философы-постмодернисты М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез утверждали, что язык является способом определенного мироистолкования. М.Фуко рассматривал язык в качестве реальности, не зависящей от говорящего, являющейся базисной для жизни людей. «Основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться»².

Отечественные ученые также уделяли внимание проблеме формирования мировоззрения на базе языковой реальности. Так, например, Л.О. Чернейко в своей работе «Лингво-философский анализ абстрактного имени» пишет, что

¹Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф.Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1978.

²Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. / Перевод с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994. С. 32.

абстрактные слова есть точка зрения языка на мир, кроме того, они являются языковой формой бытия духовного мира, составляя повседневный опыт индивида. Согласно Л.О. Чернейко, спонтанная речь позволяет увидеть языковое сознание в той его сфере, которая являет собой видение мира, отношение к миру. «Овладевая миром духовным, миром культуры, ребенок всегда ищет слова. Он узнает его в значении очень приблизительном (а оно первично по отношению к его последующему функционированию), но достаточно поляризованном на шкале «хорошо-плохо». Особенность этой шкалы состоит в том, что уже простая оценка «хорошо» или «плохо» есть рефлексия ситуации в обобщенных, недифференцированных эмоциональных эталонах»¹.

По мнению С.К. Гуралья, именно язык отражает действительность и создает картину мира, специфичную для каждого языка, народа и этноса. Он подчеркивает существование теснейшей связи между языком и его носителем. Таким образом, мировоззрение каждой отдельной языковой общности будет радикальным образом отличаться от мировоззрения, сформированного в рамках другой языковой общности. Кроме того, С.К. Гураль приходит к выводу, что человек познает мир посредством своих органов чувств, а затем создает систему представлений о мире, выражающихся в знаках и определенного рода высказываниях. «Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено особенностями истории, географии, климатом, верованиями, традициями этих народов и, соответственно, развитием их общественного сознания»². Он также указывает на определенную связь философского анализа языка с анализом способа бытия, который зафиксирован в языке.

Следовательно, изучив язык, можно понять и само устройство бытия. Мировоззрение и миропонимание являются так называемой кодировкой образов в средства языка через посредство культуры. Основные

¹ Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени: Монография. М.: МГУ, 1997. С. 132.

² Гураль С.К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистический аспект соотношения // Вестник Томского гос. Ун-та. 2007. № 298. С. 16.

мировоззренческие идеи всегда являются тождественными той культуре, ценности которой они выражают. Для любых мировоззренческих представлений характерен факт того, что они с одной стороны спонтанно возникают в коммуникативных ситуациях, а с другой стороны, осознанно на основе теоретических положений.

Так, формирование мировоззрения ребенка при коммуникативном контакте происходит путем восприятия им определенных абстрактных слов обыденного языка, причем такое восприятие носит отчасти спонтанный характер. Находясь в постоянном коммуникативном контакте с другими членами речевого коллектива, человек, сам того не осознавая, начинает формировать собственное видение мира, схожее с мировоззрением того общества, в котором он живет.

Мировоззрение зависит от языка, язык определяет специфику мировоззрения. Языковая общность есть носитель определенной языковой реальности, между ними существует тесная связь, которая проявляется в постоянном воздействии языка на взгляды и миропонимание людей.

Уместно будет упомянуть о так называемых языковых общностях, представляющих собой совокупность людей, являющихся различными по своей численности. Каждое языковое сообщество пользуется средствами общения – так называемыми языковыми кодами. Языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим.

Значительное место разработке проблемы языковой общности и языкового мировидения отводится в исследованиях философии языка. Как отмечал в своей работе «Родной язык и формирование духа»¹ Л. Вайсгербер, языковая общность является основной формой общности людей, с помощью которой можно понять ее духовность и культуру. Язык, являясь духовным центром нации, движущей силой ее культурного развития, относится ко всем духовным достижениям языковой общности. Это основа бытия людей, промежуточный мир между действительностью и сознанием человека. Л.

¹ Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: Либриком, 2009. 232 с.

Вайсгерберу принадлежит идея «языкового мировидения», согласно которой язык – основа представлений о мире, мировоззрения, ключ к пониманию действительности.

В. фон Гумбольдт рассматривал язык как особое мировидение, открыв значение языков как зеркала духовного своеобразия народов. «Не будет заколдованного круга, если языки считать продуктом силы народного духа и в то же время пытаться познать дух народа посредством построения самих языков: поскольку каждая специфическая духовная сила развивается посредством языка и только с опорой на него, то она не может иметь иной конструкции, кроме как языковой»¹.

В языке, по мнению В. фон Гумбольдта, основано и в нем выражается то, что для человека есть мир. Бытие мира является языковым бытием. Язык обладает своего рода самостоятельным бытием по отношению к отдельному человеку, который относится к конкретному языковому сообществу. В. фон Гумбольдт утверждал, что в каждом языке закладывается свое мировоззрение. Язык является основным хранителем этнокультурной информации, средством выражения черт этнической ментальности.

Исследованием языкового сообщества занимался Дж. Гамперц. В своей работе «Типы языковых сообществ» автор пишет: «Языковое сообщество – социальная группа, одноязычная или многоязычная, единство которой поддерживается частотой различного типа социального взаимодействия и которая отграничена от окружающих областей слабостью своих связей с ними. В зависимости от уровня абстракции, которого мы хотим достичь, языковые сообщества могут состоять из небольших групп, члены которых связаны личными контактами, или распространяться на значительные территории»².

Существует связь языковой общности с языковой реальностью. Однако, Л. Вайсгербер и В. фон Гумбольдт рассматривали в качестве языковой общности лишь определенную нацию, этнос, ничего не упоминая о классе и

¹ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 77.

² Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 185.

поколении. На наш взгляд, в данной работе уместно будет отнести к языковой общности помимо этноса также класс и поколение.

Е.А. Воробьевой в статье «Языковое выражение этнической картины мира в поликультурном пространстве Забайкалья»¹ утверждается то, что диалог между различными этническими культурами осуществляется только посредством языка. Язык является самораскрытием себя в другом. Каждый язык является самобытной системой, которая накладывает отпечаток на его носителей и формирует их собственную картину мира. Восприятие конкретной ситуации зависит, как от опыта человека, так и от сформированной у него картины мира, специфика которой передается через концепты.

Как отмечали А.И. Столетов и Р.Х. Лукманова в своей работе «Универсальное и локальное (этническое) в мировоззрении»², существует некая этничность мировоззрения, поскольку каждый человек живет и развивается в определенной этнической среде, проходит процессы социализации. По мнению А.И.Столетова и Р.Х. Лукмановой, язык является своего рода ландшафтом, который определяет этнические черты людей. Так, например, через русскую языковую реальность можно определить всю русскую культуру, которая есть, по своей сути, алогичное и противоречивое явление, склонное к постоянному интуитивизму и сомнению.

Систему чистых значимостей языка можно характеризовать как систему концептов. Идея концепта восходит к средним векам и связывается с именем Абеяра, в дальнейшем получила развитие в истории философии. Так, представитель логического позитивизма Р. Карнап выделял следующие признаки концепта: «Для этого термина особенно важно подчеркнуть то обстоятельство, что он не должен пониматься в психологическом смысле, то есть как относящийся к процессу воображения, мышления, понимания и т.п.; он, скорее, должен пониматься как термин, который относится к чему-то

¹ Воробьева Е.А. Языковое выражение этнической картины мира в поликультурном пространстве Забайкалья // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Томск: ТПУ. 2004. С. 123–126.

² Столетов А.И., Лукманова Р.Х. Универсальное и локальное (этническое) в мировоззрении // Регионоведение. 2009. № 1. С. 275–284.

объективному, находящемуся в природе и выражаемому в языке десигнатором, не имеющим формы предложения»¹. Каждая языковая реальность состоит из определенного количества концептов, которые и являются прямым отображением объективной действительности.

Сумма концептов – это мир, существующий как бы внутри действительного мира, когда определенные значения и понятия накладываются на какие-либо события или явления. Следовательно, каждому явлению действительного мира соответствует определенное значение языковой реальности.

Согласно его воззрениям: «Концепт – содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. Концепт актуализирует отраженную в понятии онтологическую его составляющую»².

Сфера концептов образует языковую реальность, а языковая реальность, в свою очередь, организует способы жизнедеятельности людей, их взгляды на мир и мировоззрение. В условиях определенной языковой общности происходит наложение языка на действительность, в результате чего бытие получает выражение своих смыслов, таким образом, формируя основы миропонимания в сознании людей.

«Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»³.

Концепт можно определить как вербально выраженную сущность действительного мира, посредством которой осуществляется бытие человека внутри определенной культурной среды.

¹ Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 55.

² Карнап Р. Значение и необходимость. URL: <http://www.slovopedia.com/6/202/770653html> (дата обращения 18.12.2010).

³ Степанов Ю.С. Концепт // Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 41.

Восприятие конкретной ситуации зависит, как от опыта человека, так и от сформированной у него картины мира, специфика которой передается через концепты. Именно концепты отвечают за самобытность и уникальность каждого отдельно взятого мировоззрения носителя определенной языковой реальности. Особенности и отличительные черты языкового сообщества определяются не только спецификой языковой реальности, но также концептами, входящими в ее состав. Концепты образуют некий каркас языка, посредством чего и формируется его специфичность, уникальность и непохожесть на другие языки.

Человек живет в мире концептов, так как большинство информации о мире получает с помощью лингвистической коммуникации. Без языка бытие человека становится неполным, теряя всякий смысл и понимание. Языковая картина мира является своего рода вербализованной системой матриц, в которой заложен определенный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный, классовый характер, а также характер определенного поколения людей.

Существует своего рода детерминированность мировоззрения и миропонимания языковой реальностью. Характер мировоззрения находится в прямой зависимости от языковой реальности и концептов, суть которых она выражает. Проговаривание абстрактных слов в языковой реальности позволяет формировать картину мира, мировоззрение и миропонимание в сознании, как отдельных индивидов, так и языковой общности в целом.

Культурные концепты, выражаемые посредством языковой реальности – есть суть языковой картины мира, сформированной в рамках определенной языковой общности и обладающей специфическими чертами и особенностями. Являясь, своего рода, замкнутой системой, в которой аккумулируются различные представления народа, обычаи, традиции, верования, устойчивые представления о мироустройстве, языковая реальность тесным образом связана с мировоззрением и миропониманием определенного носителя.

Ф. де Соссюр определял языковую реальность в качестве единства противоположных сторон: знака и значения, языка и речи, социального и индивидуального.

Под языковой реальностью в целом следует понимать миропроговаривание, делающее возможным формирование на его базе системы взглядов на мир языковой общности – миропонимания.

В нашем исследовании мы приходим к тому, что русская языковая реальность является основным носителем, через который выражается русское миропонимание, мировоззрение, культурная среда. Культурную среду также можно охарактеризовать в качестве народного духа, искажения которого приводят к исчезновению народа. Без языка нет не только этноса, класса, поколения, но и любого коллектива индивидуумов, поскольку его существование напрямую зависит от языковой реальности, являющейся важным регулятором в жизни языкового коллектива. Будучи средством передачи его культуры, и, как следствие, поддержания традиций, норм, обычаев, миропонимания, языковая реальность обеспечивает существование языкового сообщества.

В различных языках могут по-разному обозначаться одни и те же предметы и отражаться разные видения этих предметов, то есть можно прийти к выводу, что национальное видение мира имеет свою специфику. Изучение вербального инструментария, лексики того или иного языка позволяет получить более полное и исчерпывающее знание о культуре и традициях конкретного этноса, класса или поколения. Таким образом, овладение чужим языком, конкретной лексикой позволяет получить определенные знания о картине мира данной языковой общности.

Поскольку язык является одним из важнейших факторов идентификации личности, можно сформулировать положение, относительно которого человек, идентифицирует себя, прежде всего, как носитель той или иной языковой реальности, являющейся основой его мировосприятия, противопоставляет свои

взгляды на мир, сформированные в данном языке взглядам других языковых носителей.

Так как в состав языковой общности могут входить не только этнос, но и другие речевые коллективы, например, класс, поколение, объединенные на основе определенных культурно-мировоззренческих установок и ценностей, то и носителем языковой реальности может выступать как этнос, так и определенный класс или поколение, что, безусловно, отличается от ранее представленных концепций.

Так, например, рассматривая класс в качестве языковой общности, следует выделить различия в наборе концептов, используемых в данном речевом коллективе. Концепты класса отражают его отношение к явлениям материальной культуры, политические и общественные отношения. Для данной системы концептов характерна постоянная трансформация, следствием которой является отмирание старых концептов, замена их новыми. Частично происходит заимствование концептов из других языков.

Для класса русского дворянства был характерен русско-французский билингвизм, что связывалось с огромным влиянием Франции на развитие русской культуры. При этом простой народ говорил только по-русски. В эпоху социализма класс пролетариата, как класс рабочих, использовал в своей речи такие концепты, как: «блат», «колхоз», «валютчик», «совхоз», «комсомол», «пионеры», «октябрюта», «Родина», «Сталин».

Для поколения, как языковой общности также характерно оперирование различными системами концептов. Для каждого поколения характерно появление новых концептов, замена старых смыслов на новые, что, следовательно, заключается в различиях мировоззренческих установок у разных поколений, культурных ценностей и ментальных смыслов. В качестве примера можно рассмотреть поколение людей советской эпохи и современное поколение, воспитанное на ценностях массовой культуры Запада и потребительского общества. Зачастую язык современной молодежи, который включает в себя такие концепты, как: «айпод», «менеджер», «супервайзер»,

«флешка», «интерфейс», «мерчендайзер» оказывается непонятным людям старшего поколения, как и большинство советизмов неизвестны нынешнему поколению.

Поскольку язык является одним из основных носителей мировоззрения, то с понятием мировоззрения можно связать понятие языкового видения мира. Окружающая действительность принимает форму того языка, на котором ее мыслят. Язык – это своеобразная призма, через которую преломляется восприятие действительности. Это некое зеркало окружающей человека объективной реальности, которую он видит и понимает для себя, согласно тому языку, носителем которого является.

«Мысль не выражается, а совершается в слове»¹. Поскольку посредством языка осуществляется идентификация личности, то происходит своего рода формирование оппозиции в сознании носителя конкретной языковой реальности, выражающей бинарные отношения «свои - чужие». В данном случае, под «своими» будут пониматься представители одной культуры, носители той же языковой реальности, а под «чужими», соответственно, носители другой языковой реальности, иного типа культуры и миропонимания.

Язык является основой для формирования этноса, определенного класса, поколения, позволяя отличать себя от «других», объединяться со «своими». Он выступает средством сближения, коммуникации, формирования языкового сознания, системы понятий. Он необходимым образом сплачивает языковую общность.

Поскольку существует различие в мировоззрениях языковых общностей, относящихся к различным языкам, можно отметить прямую зависимость картины мира от языка, а также установить связь между языковой реальностью и языковой общностью. Каждая языковая общность является носителем определенной языковой реальности, с присущим ей специфическим видением мира, которое можно охарактеризовать так же, как языковое видение мира.

¹ Выготский Л.С. Мысль и слово // Избранные психологические исследования. М.: Мысль, 1956. С. 378.

Итак, к языковой общности относится группа людей, объединенных между собой посредством определенного набора концептов языка. Оперирование той или иной системой концептов, являющихся исторически изменчивым образованием, позволяет классифицировать индивида как члена той или иной языковой общности, будь то этнос, класс, поколение.

Уместно будет отметить, что существует особого рода путь построения мировоззрения, как миропроговаривание - миропонимание, являющийся инверсией схемы мироощущение, мировосприятие, миропонимание. В такой схеме язык является основным аспектом формирования целостного мировоззрения и мировосприятия, главным компонентом картины мира, выраженной в определенных концептах языковой реальности, носителем которой является та или иная общность, будь то определенная нация, этнос, класс или поколение.

Данное определение сформировалось под влиянием идей М. Хайдеггера о проговаривании бытия, изложенных в работе «Бытие и время». М. Хайдеггер писал, что бытие приходит к проговариванию и тогда рождается язык. Через проговаривание бытия, через язык рождается миропонимание. «Лишь имеющееся в распоряжении слово наделяет вещь бытием»¹. Согласно работе М. Хайдеггера «Бытие и время»², выговоренность речи вовне является языком. Язык существует как словесная целостность, имеет «мирное» бытие и обладает качеством внутримирового сущего. Человек показывает себя, как говорящее сущее. М. Хайдеггер выдвинул идею проговаривания бытия через язык.

Язык конституирует бытие, а проговаривание обеспечивает понимание бытия. Цель проговаривания, согласно М.Хайдеггеру заключается в подведении слышащего к участию в разомкнутом бытии к тому, о чем речь. Язык является бытийной возможностью «вот – бытия». Речь есть бытийный модус понимания и способ бытия в мире. В своем бытии язык всегда историчен. Он изменяется, так как проговаривается на разных ступенях

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. / перевод с нем. В. В. Бибихиной. М.: Республика, 1993. С. 302.

² Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

толкования «вот – бытия». Каждая эпоха и поколение имеют свой особый язык и специфические возможности понимания. Таким образом, путь к языку заключается в говорении.

Можно сделать вывод о том, что проговаривание является основой формирования языкового видения мира, рождающее в сознании индивида устойчивые связи с объективной реальностью. «Языковая реальность есть озвученная действительность, результат проявления самого процесса говорения (проговаривания)»¹. Без проговаривания невозможен сам факт перехода абстрактных смыслов и понятий из области языковой реальности в образ конкретного мировоззрения индивида. Только процесс миропроговаривания, постоянного озвучивания понятий позволяет прийти к самому миропониманию. Миропонимание возможно только через постоянное проговаривание бытия, следовательно, имеет место быть система миропроговаривание - миропонимание.

К примеру, формирование взглядов на мир связывается с зарождением языка у первобытных племен. Простейший речевой акт называния сыграл важную роль в создании мира материальной культуры, обеспечивал эффективность трудовой деятельности и коммуникации между людьми, передачу умений и навыков. Именно проговаривание явилось основополагающим фактором дальнейшего развития мировоззрения древнего человека, приданию его деятельности целенаправленный характер.

Взгляды на мир маленького ребенка также начинают развиваться в итоге многократного проговаривания им слов. Говорение у него предшествует пониманию действительности.

В рамках фольклорной традиции миропонимание рождалось из проговаривания пословиц и поговорок – источников народной мудрости. Практика проговаривания в виде различного рода лозунгов широко применялась в советской идеологии при создании образа «светлого будущего».

¹ Нуриев Б.Д. Субъект языковой реальности и языковой деятельности: коммуникативный, познавательный и гносеологический аспекты // Вестник Башкирского университета, 2009. Т. 14. № 3. С. 899.

Именно язык явился мощным орудием донесения идей до сознания советских людей и формирования у них коммунистических установок.

Система миропроговаривание - миропонимание существует в пределах языковой реальности, как формирующего фактора мировоззрения конкретной языковой общности. Поскольку существует разнообразие языков и их носителей, данная схема, применимая к определенной языковой реальности в каждом отдельном случае будет выражать определенное мировоззрение, обладающее особой спецификой и чертами.

Язык является выразителем определенного миропонимания, мировоззрения, культурной среды. Мировоззрение является кодировкой образов действительного мира в средства языка и может быть определено как языковое видение мира. Мировоззрение полностью детерминировано языковой реальностью. Мировоззренческие идеи всегда тождественны конкретной культурной среде. Различия в мировоззренческих установках являются, прежде всего, результатом языковых различий.

Поскольку человек живет в мире концептов – основных носителей мировоззрения, следовательно, он оказывается погруженным не только в предметный мир, но и в языковую реальность.

Итак, в данном параграфе была рассмотрена и проанализирована проблема языковой реальности в структуре мировоззрения этноса, класса, поколения. Установлено, что для развития мировоззренческих установок у индивида требовались определенные условия, связанные с языковой реальностью, являющейся базой миропонимания. Мир получает свое истинное бытие только путем трансформации своих явлений и сущности в сознании человека через языковые средства. Только через наполнение слов определенным содержанием человек может увидеть истинный образ мира. Язык является неким окном в национальное мироощущение и мировидение. В коллективном языковом сознании содержится информация об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях, которые вызываются объектами окружающего мира.

Также было показано, что в состав языковой общности могут входить не только этнос, но и другие речевые коллективы, например, класс, поколение, объединенные на основе определенных культурно-мировоззренческих установок и ценностей.

Итак, в данной работе, на основе изложенного, сформулирована схема построения мировоззрения индивида на основе языкового каркаса. Согласно этой схеме, к миропониманию можно прийти через миропроговаривание. Чтобы объективная реальность обрела свой истинный смысл, ее нужно многократно проговаривать. Язык – основное средство этого проговаривания, он есть потенция миропонимания, а, следовательно, миропроговаривание приводит к миропониманию. Миропроговаривание направлено вовне, связано, прежде всего, с языковой системой, в рамках которой существует языковая общность, миропонимание касается внутреннего мира индивида, его мировоззрения. Таким образом, можно указать на тот факт, что миропроговаривание - миропонимание существует сразу в двух плоскостях: во внешнем и внутреннем мире.

§ 2. Чувственное и символическое в языковой реальности

Языковая реальность, являясь, прежде всего, культурной матрицей, концентрирует в себе все достижения культуры, обеспечивая связь поколений и дальнейшее развитие социума, в котором функционирует. Существует связь между языковой общностью и языковой реальностью. Это является следствием прямой зависимости мировоззрения и миропонимания конкретной языковой общности от той языковой реальности, носителем которой данная языковая общность является, а также всех ее культурных особенностей, характера, менталитета, привычек, установок и традиций. В качестве языковой общности можно обозначить не только этнос, но и класс, поколение. Посредством языковой реальности осуществляется передача культурных знаний, традиций и навыков от одного поколения к другому. Без языка невозможно существование

общности людей. Система миропроговаривание - миропонимание является основополагающей в построении взглядов на мир индивида.

Целью данного параграфа является попытка установления совмещения физического и символического универсума, пространством взаимодействия которых является языковая реальность, а также выход на понятие картины мира и анализ того, что есть чувственное и символическое в языковой реальности. Историко-типологический подход к анализу символического и чувственного в языковой реальности в истории философии, позволяет рассмотреть различные точки зрения и концепции в рамках определенных философских направлений, касающихся данной области.

Философское осмысление символа, символического берет свое начало с античности, когда под символом понимались некие совместные действия, знак, который указывал на принадлежность к той или иной политической или религиозной организации. Представители классической немецкой философии придерживались иной трактовки. В философско-антропологических исследованиях И.Канта символ является перенесением рефлексии о предмете созерцания на другое понятие, которому созерцание не сможет соответствовать, например, на бога, имея гносеологическое значение. Символы есть образы вещей, представления через понятия.

Самый лучший способ обозначить мысли, как считал Кант, это обозначить их посредством языка. «Символы суть только средство рассудка, но средство косвенное, через аналогию с теми или иными созерцаниями, к которым могут быть применены понятия рассудка, чтобы с помощью изображения предмета придать понятию значение»¹. Гегель отмечает, что «...символ есть прежде всего некий знак...»². В символической форме идея абстрактна, она ищет себя. Символическая форма связывает образ и смысл, она тождественна образу.

¹ Кант И. Антропологическая дидактика // Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 428.

² Гегель Г.В.Ф. Символическая форма искусства // Гегель Г.В.Ф. Эстетика в 4-х т. Т. 2. М.: Искусство, 1969. С. 14.

Ф. де Соссюр писал о символе следующее: «в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым»¹. Ф. де Соссюр полагал, что культура живет, имеет выражение в различных символах языка. Язык, как система символов, для первобытного человека, выражал простейшие, примитивные мысли и информацию. Человек, по мнению Ф. де Соссюра, живет не только в реальном мире окружающей его объективной реальности, но и в символическом, созданном посредством языка, различных знаковых систем.

Э. Кассирер выражал точку зрения, согласно которой человек существует сразу в двух мирах: физическом и в символическом универсуме. Символ является человеческим конструированием. Это иная реальность, отличная от той, в которой живет человек. Э. Кассирер писал про символы, что «только через них зримы и в них обладаем тем, что называем мы действительностью»². Человек способен к самовыражению посредством символической реальности. Через символ выражается духовность человека. С его помощью осуществляется полнота бытия человека. Посредством символов в сознании индивида формируются образы чувственного мира, являющиеся его знаковыми синонимами.

Развитие культуры, ее уровень зависят от способности людей оперировать символами. «Все человеческое поведение обусловлено использованием символов. Именно символ превратил антропоидных предков в людей и придал им человеческий облик. Все человеческое поведение состоит или же зависит от использования символов. Символ выступает в виде определяющего признака человечества»³.

Проблематика символа рассматривалась представителями русской религиозной философии. Так, в исследованиях А.Ф.Лосева, философское понятие является смысловым зародышем символа. В самой структуре символа заложен принцип смыслопорождения. В своей работе «Очерки античного

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 101.

² Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х т. Т. 1: Язык. М.; СПб: Университетская книга, 2001. С. 47.

³ White L.A. Ethnological essays. Albuquerque, 1987. P. 22.

символизма и мифологии»¹ А.Ф. Лосев подчеркивал в символе выразительность и коммуникативность. Символ обладает телесностью и софийностью. Он является выражением Божественной личности, для него характерна направленность на личностное восприятие и понимание. Понять личность, согласно А.Ф. Лосеву, возможно только через символ. Символ является своеобразным тождеством идеи и вещи в этой идее. Посредством символа устанавливается связь бога с миром. Таким образом, язык рассматривается в качестве особой сферы бытия символов.

П.А. Флоренский считал, что символ является проявлением божественной сущности в жизни человека. С помощью символа человеку открывается божественная реальность. Символ является целостностью вещи в этой божественной реальности, которая есть для человека высшая реальность.

«Символ – это нечто являющее собой то, что не есть он сам, большее его, и однако существенно через него объявляющееся»². Согласно, П.А.Флоренскому, символы созидают мироздание, объясняют суть бытия человека, с их помощью люди познают окружающую их объективную реальность. П.Флоренский отмечал зримо-чувственный характер символа. По его мнению, если что-либо существует, его невозможно не увидеть. Зримо-чувственный характер символа представляет созерцаемость красоты. Для символа характерны наглядность и зримость. Имена и слова являются носителями энергии бытия. В словах бытие открывается человеку, слова открывают сущность предмета. Символы являются результатом духовной деятельности.

Представитель современности Ж.А. Вардзелашвили в своей работе «Символизация обыденного в языковой картине мира»³ пишет, что символы это то, что позволяет индивиду расширять знание о себе и о своей культуре. Слова-символы являются выразителями идей, присутствующих в языке

¹ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 259 с.

² Флоренский П.А. Имяславие как философская предпосылка // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. С. 287.

³ Вардзелашвили Ж.А. Символизация обыденного в языковой картине мира // Acta Linguistica. Journal of Contemporary Language Studies. Vol. 3. № 2 (2009). Eurasia Academia Publishers. Sofia. С. 64–70.

действительности. Символизация обозначает слияние в сознании физического и метафизического. Это некий путь, который начинается с того, что слово-знак обозначает некую реалию, затем осмысляет ее, концептуализируя понятие. Символизация языкового значения, по мнению, Ж.А. Вардзелашвили, может отличаться в различных культурах.

Авторы ранее рассмотренных концепций символа, подчеркивают, что символ является выразителем абстракций, придавая им конечный смысл. Посредством символа происходит слияние образа и смысла в единое целое. Символ является прямым путем к концептуализации знаний об окружающей действительности. Для каждой культуры существует определенный набор символов, что выражается в их культурных отличиях, подчеркивая связь культуры с языковой реальностью.

Символ является тем, что помогает человеку в познании собственного бытия и объективной действительности. В каждом символе присутствует нечто божественное, что позволяет человеку приобщиться к высшей, божественной реальности.

Символ – это то, что обеспечивает связь различных культурных пластов, обеспечивает трансляцию культурных знаний в социуме. С его помощью различные феномены объективной реальности могут получать свое знаковое выражение и интерпретацию. Символ с помощью знаковых средств выражает сущность незнаковых явлений. Это соединение двух миров в сознании человека – реального и знакового. Следовательно, без символов и знаков не может быть человеческого существования. Именно символ придает смысл человеческому бытию. Понять символ, можно только поняв культуру, в рамках которой он существует.

Символ играет важную роль в осуществлении бытия социума, являясь своеобразным связующим звеном между реальным объективным миром людей и миром знаков, созданным посредством языковой реальности. Это средство накопления опыта и трансляции знания от поколения к поколению. Только посредством символа человек может выразить свою подлинную сущность.

Являясь своеобразным средством самореализации людей, символ наполняет их повседневную жизнь смыслом и целостностью.

Символ – это то, что придает смысл окружающим предметам и бытию человека. Посредством символа люди идентифицируют себя с той или иной культурой, с другими людьми. Символ неразрывно связан с языковой реальностью, различными языковыми средствами.

В данной работе предлагается следующее определение символа. Символ – есть концепт, выражающий сущность явлений объективного мира через посредство миропроговаривания - миропонимания.

Символическое есть интерпретация явлений физического и символического мира, при помощи определенной вербально-понятийной сетки, а также выражение духа конкретных культурных пластов.

В языковой реальности имеет место быть не только символическая, но и чувственная составляющая. В истории философии можно выявить ряд положений, касающихся проблемы языка и его чувственного образа. В своей книге «Философия символических форм, язык в фазе чувственного выражения»¹, Э. Кассирер пишет, что язык, на определенной своей фазе, стремится к близости к чувственному впечатлению, что характерно для детской речи и речи примитивных народов, то есть, когда язык особым образом примыкает к событию и его чувственному образу. Происходит фиксация в звуке чувственного предмета, чувственного впечатления.

Среди отечественных исследований проблематики чувственного следует выделить концепцию И. П. Павлова². И.П. Павлов отмечал связь слов и чувственных образов предметов, как первой и второй сигнальной системы. Таким образом, согласно взглядам, И.П. Павлова, вторая сигнальная система получает значение посредством первой сигнальной системы. Вторая сигнальная система, то есть язык, складывается на основе первой, приобретая относительную самостоятельность. Слово есть определенный сигнал первой

¹ Кассирер Э. Философия символических форм. В 3-х т. Т. 1: Язык. М.; СПб: Университетская книга, 2002. 950 с.

² Павлов И.П. Полное собрание трудов. Т. 1. М. – Л., 1940. 296 с.

сигнальной системы, оно является условным раздражителем. Первая и вторая сигнальная системы постоянно взаимодействуют между собой. Посредством второй сигнальной системы люди расширяют знания о мире. С ее помощью становится возможным обобщение отдельных фактов, сохранение и передача знаний.

В работе А.Н. Леонтьева «Потребности, мотивы и эмоции»¹ отмечается, что картина мира является человеку в качестве определенных чувственных образов. Язык является носителем значений. Значения, в свою очередь, представляют собой форму предметного мира, который особым образом преобразуется в языке. Таким образом, А.Н. Леонтьев показывает переход от чувственных образов к определенной картине мира.

А.Н. Леонтьев считал, что возникновение предметных чувств, под которыми можно понимать эмоции, переживания, настроения, привело к возникновению устойчивых эмоциональных отношений, которые он обозначил в качестве так называемых «эмоциональных констант». По мнению А.Н. Леонтьева, эмоции, являющиеся идеальным явлением, могут обобщаться и коммуницироваться. У человека существует индивидуальный эмоциональный опыт, усвоенный в процессах коммуникаций.

«Источником формирования образа в структуре значения слова является предметный мир, точнее, отношение носителя языка к окружающей его действительности. Реальность в образном компоненте значения предстает как в форме субъективных, индивидуализированных образов, фиксирующих непосредственный, перцептивный опыт индивида, так и в форме вторичного отражения – культурно маркированных образов и образов-стереотипов, отражающих коллективный опыт носителей языка»².

Согласно взглядам Л. Тираспольского и В. Новикова, изложенных в статье «Эстетика интернета»³, различные события воспринимаются по-разному

¹ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. URL: <http://lib.rus.ec/b/162335/read> (дата обращения: 15.12.11).

² Розенфельд М.Я. О статусе чувственного образа в структуре лексического значения // Вестник Воронежского гос. Ун-та. 2009. № 1. С. 97–98.

³ Тираспольский Л., Новиков В. Эстетика Интернета / Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/tiraspolky/estetika.html> (дата обращения: 05.01.2011).

в реальной действительности и в мире языковой реальности. Физический мир является областью отделенных друг от друга объектов. В символическом мире происходит их единение. Символы придают пластичность и некую гибкость бытию людей.

Большинство философских концепций склоняются к безусловной близости и связи языковой реальности и мышления индивида, результатом чего является осмысление действительности. Языковые знаки являются прямым отражением чувственных объектов внешнего мира, закрепленных в сознании индивида системой устойчивых связей и ассоциаций.

Чтобы понять сущность проблемы соотношения чувственного и символического в языке, необходимо проанализировать характер взаимодействия языка и чувственного опыта людей, понять в какой степени они взаимодействуют между собой, а также установить характер такого рода взаимодействия.

Существует тесная связь языка с различными формами чувственного опыта индивида. В языке имеет место быть не только символическая, но и чувственная составляющая. Чувственная сфера языковой реальности является, прежде всего, сферой физического мира, неотделимого от языка, как области символических значений и смыслов. Существует господство языка над чувственностью, результатом чего становится превращение чувственных переживаний в символические знаки, на основе которых происходит расширение представлений об окружающей действительности, а в сознании индивидов формируются различного рода мировоззренческие установки.

Чувственные образы в сознании людей всегда тесно связаны с определенными концептами. Таким образом, сначала чувственный образ рождает в сознании человека определенные концепты и представления, а затем происходит обратный процесс, когда концепты могут создавать в сознании конкретные чувственные образы.

Язык воплощает в себе всю совокупность чувственного опыта индивида. К чувственному в языковой реальности относятся данные органов чувств –

зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, а также различные эмоциональные переживания.

Язык формирует систему взглядов на мир. Информацию об этом мире он получает из сферы чувственного восприятия, особым образом кодируя и модифицируя в различных терминах и понятиях, позволяя сформировать в сознании людей понимание реального мира вещей, который окружает их в повседневной жизни.

Безусловно, нельзя отрицать факт того, что чувственное восприятие является основой формирования языковой реальности, некой базой для системы миропроговаривание - миропонимание через посредство концептов. Это первооснова любого языка.

В языковой реальности происходит вербализация чувственных образов и представлений. Чувственное имеет физическую природу, оно неотделимо от жизни людей, но подлинным образом раскрыться бытие человека может только посредством символов языковой реальности, являющихся прямым отражением образов чувственного мира. В языке особым образом отражены чувственные переживания конкретной культуры. На эмоционально-чувственном уровне одни и те же концепты могут иметь различные смысловые оттенки.

Чувственное в языковой реальности является связующим звеном между миром действительным и внутренним миром индивида. Чувства, эмоции, переживания относятся к субъективированной форме миропроговаривания - миропонимания, конкретной ситуации, которую индивид может выражать через различные языковые средства.

Существует тесное взаимодействие чувственного и символического в рамках языковой реальности. Чувственное имеет своей основой физическое, символическое можно отнести к сфере идеального, духовного. Символическое позволяет придать чувственному целостность, смысл и понимание.

Чувственное в языковой реальности находит свое проявление посредством различного рода интонаций, выразительных слов. Через языковую реальность возможна передача чувств и эмоций от одного носителя языка

другому. Таким образом, язык является не только средством передачи различного рода информации, знаний, навыков и культурных традиций, но также при помощи него осуществляется передача чувственных состояний.

Благодаря фиксации переживаний и чувств в языковых знаках происходит трансляция чувственной составляющей внутреннего мира индивидов. Продолжающийся процесс коммуникаций расширяет диапазон передачи чувственных состояний внутри определенной языковой общности.

Также посредством языка происходит развитие чувственной сферы его носителей. Овладевая выразительными средствами языковой реальности, индивид расширяет систему концептов об окружающей действительности, тем самым, увеличивая число чувственных переживаний. Таким образом, происходит не только расширение понятийной сетки и концептуального аппарата, но, также, расширение и преобразование чувственной составляющей его сознания и ментальности.

Именно благодаря включению мышления, как основного компонента познавательной деятельности и его переплетению с языковыми средствами, происходит процесс кодировки материала чувственных данных в различные языковые знаки. Таким образом, осуществляется процесс осмысления окружающей действительности. Языковые знаки являются прямым отражением чувственных объектов внешнего мира, закрепленные в сознании индивида системой устойчивых связей и ассоциаций.

Язык, по своим структурным особенностям, образуется посредством чувственно-эмоциональных образов, которые переносятся во внешнюю оболочку языка. Таким образом, чувственность находит свое прямое выражение в языке и, следовательно, языковую реальность можно назвать средством трансформации чувственных образов в особую знаковую систему.

Для Э. Кассирера был характерен подход к культуре и ее происхождению с точки зрения семиотики. Согласно его концепции, реальный мир тесно связан со знаками, символами. Символы являются некими оболочками мыслей и их инструментами. Знаковые обозначения и символы являются средствами

накопления, передачи и сохранения человеческой культуры. Человек творит искусственный мир посредством обозначения окружающей действительности символами. Символы, согласно Э. Кассиреру, составляют иное измерение окружающей действительности. Таким образом, человек живет сразу в двух мирах – физическом и символическом.

О.И. Глазунова в «Логике метафорических преобразований»¹ отмечает тот факт, что человек живет в двух мирах – реальном и вымышленном, которые постоянно взаимодействуют между собой. Знак является миром, находящимся в промежуточном положении между внешним миром и внутренним миром индивида.

Следует отметить, что человек живет не только в двух мирах – физическом и символическом, как полагал Э. Кассирер или реальном и вымышленном, как считала О.И. Глазунова, а его начинает окружать гиперреальность, в которой происходит совмещение физического и символического миров в рамках языковой реальности. За основу концепции о материальной природе русской языковой реальности, ее способности являться гиперреальностью, то есть реальностью нового уровня и порядка, совмещающей в себе физический и символический миры в данном диссертационном исследовании, берется учение Ж. Бодрийяра о материальном статусе языка, а также учение русских философов о бытийственности русского языка.

Языковая реальность, как отмечали представители постмодернизма, становится новой гиперреальностью. В работе Ж. Бодрийяра «Символический обмен и смерть»² рассматривается язык, который в современном обществе становится материальным явлением. Звуковая субстанция языка приобретает статус материальной вещи. Звуки и буквы начинают мыслиться как атомы субстанции. Слова теряют свою знаковую обусловленность и становятся

¹ Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб, 2000. 190 с.

² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

вещами, воплощают в себе более фундаментальный статус объективности. Все превращается в гиперреальность.

Русские мыслители отмечали формативную направленность или бытийственность, как одну из основных особенностей русского языка. Так, П.Флоренский считал, что истинное бытие жизни человека можно раскрыть только посредством языка. Язык является символическим явлением, выражающим энергию бытия. Таким образом, символ выступает как некое бытие. Русский философ отмечал, что: «Есть индивидуальная звуковая форма, как некоторая объективная сила, как то главное, что дает восприятие слуховое, что организует звук и сплачивает звуковые элементы, чем бы они ни были, в единое целое, и это целое, раз произведенное, устойчиво пребывает в мир, как некоторый индивидуум, как некоторый организм»¹.

Осип Мандельштам выделял способность русского языка к бытийственности: «Русский язык – язык эллинистический. В силу целого ряда исторических условий, живые силы эллинской культуры, уступив запад латинским влияниям и не надолго загашиваясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи... и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью. Жизнь языка в русской исторической действительности перевешивает все другие факторы полнотою явлений, полнотою бытия, представляющей только непостижимый предел для всех прочих явлений русской жизни. Эллинистическую природу русского языка можно отождествить с его бытийственностью. Слово в эллинистическом понимании есть плоть деятельная, разрешающаяся в событие»².

Как отмечалось ранее, И.П. Павлов, называвший язык второй сигнальной системой людей, полагал, что у русских вторая сигнальная система чрезмерно развита, результатом чего является тот факт, что объективная реальность для индивидов становится ничем, теряя свое первоначальное значение.

¹ Флоренский, П.А. Магичность слова // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. М.: Правда, 1990. С. 258.

² Мандельштам О. О природе слова. // О.Мандельштам. Собр. соч. в 3 тт. Т. 2. Нью-Йорк: Международное Литературное Сообщество, 1971. С. 245-246.

Представитель современности М.Эпштейн в своей работе «Слово и молчание русской культуры»¹ отмечает, что вся жизнь России протекает в ее языковой реальности. Язык является единственной реальностью в России, являясь бытийствующим явлением, живущим самостоятельной жизнью. Отмеченная в работах М. Эпштейна некая первородная связь русского языка с греческим, но не разговорным языком, а с языком священного писания, объясняет склонность русского языка к священнодействию, ведь он был изначально предназначен для «Славословия Божия».

Русский язык не сообщает о бытии, он сам есть бытие и это его отличительная черта и особенность. Далее М. Эпштейн приводит следующие доводы относительно того, что жизнь языка в Российской истории всегда имела преобладающее значение по отношению к остальным фактам. Язык историчен, он живет собственной жизнью, являясь вещью для самого себя.

Языковая реальность есть реальность особого уровня и порядка, вбирающая в себя все достижения культуры социума, трансформирующая физический мир индивида в мир символического бытия.

Человек живет не в двух мирах – физическом и символическом, а, напротив, его начинает окружать гиперреальность, в которой происходит совмещение физического и символического миров через миропроговаривание - миропонимание.

В современном обществе индивиды все больше взаимодействуют не с объектами материального мира, а их символическими двойниками. Сфера обитания начинает приобретать семиотический характер. Физический мир относится к сфере объективного бытия, символический мир является субъективной сферой. Поскольку символический мир относится к области субъективного, для каждого индивида будет характерен свой собственный символический мир и своя система миропроговаривания - миропонимания.

Все более развитая культура, трансформирует сознание и поведение людей, выводя их на новый, высший уровень общественного бытия. Языковая

¹ Эпштейн М. Слово и молчание русской культуры // Звезда. 2005. № 10. С. 202–222.

реальность рассматривается уже не как абстрактный аналог физического универсума, но как вполне сформировавшееся и самодостаточное образование. Семиотический характер сферы бытия людей по-иному формирует их жизнь, а именно через систему миропроговаривание-миропонимание языковая реальность подменяет собой объективную реальность действительного мира, аккумулируя в себе элементы физического и символического универсумов. Таким образом, русская языковая реальность есть совмещение физического и символического, реальность особого рода, в которой концепты получают собственное бытие. Можно также сказать, что русская языковая реальность заменила человеку физический мир его существования, трансформировав его особым образом, поскольку изначально имела одной из своих отличительных особенностей способность к телесному бытию. Все это дает иную схему отношения к реальности, формируя другой тип символизации, при котором происходит изменение взаимодействия языка и символа.

Русская языковая реальность формирует особый мир, некую концептуальную реальность, в которой существуют индивиды. В ее рамках формируются устойчивые представления, различные мировоззренческие установки и ориентации путем постоянного миропроговаривания. Прежний физический мир постепенно получает свое замещение в контексте языковой системы. Языковая реальность является для индивида не просто некой совокупностью концептов, это реальность особого рода, заполнившая собой все пространство повседневности.

Языковая реальность больше не являет собой сущность субъективного толка, она существует как объективное образование, не зависящее от мыслей, эмоций и желаний людей. Возможность говорить о языке, как языковой реальности, а также относить языковую реальность к реальности высшего порядка, координирующей действия и поведение социума, указывает на абсолютную самодостаточность и независимость входящих в ее состав концептов. Именно возможность обладания концептов языковой реальности собственным бытием, начавшаяся в условиях этой бытийственности речи

постепенная объективация языка превращает языковую реальность в главную и основную сферу жизнедеятельности индивидов.

Бытийственность означает, что индивиду больше не нужно обращаться к своей чувственности в процессе познания явлений физического мира, поскольку язык уже сам являет сущность данных явлений. Бытийственность – это постоянное миропроговаривание и миропонимание. Процесс совмещения физического и символического в пространстве языковой реальности позволяет сформировывать представления о мире в отрыве от действительности.

В условиях бытийствующей языковой реальности происходит вхождение физического в мир знаковости, некая виртуализация пространства, смена физической ориентации в пространстве действительного мира на символическую.

Можно утверждать, что данная способность языка является отличительной чертой наиболее развитой знаковой системы, ее выхода на совершенно иной уровень. Находясь на первоначальной ступени своего развития, языковая система была не способна выходить за рамки назывательного назначения, являясь, прежде всего, лишь указанием на определенные предметы действительного мира.

Первые слова-понятия являлись простыми обозначениями, не существующими вне предметов физического мира. Это объясняется низким уровнем абстрагирования в языке, а также отсутствием четких и логических связей между установленными понятиями. Бытийственность русской языковой реальности, господство знаковости над физическим миром, над чувственностью означает выход сознания индивидов на иной уровень, возможно, характеризуя следующую ступень их эволюции.

Следовательно, языковая реальность является сферой символического бытия, а через миропроговаривание - миропонимание явления физического мира получают свое идейное воплощение. В языковой реальности происходит совмещение физического и символического универсумов, когда язык перестает быть просто символическим воплощением физического мира, превращаясь в

реальность особого рода и порядка. В данном случае языковую реальность следует понимать как самостоятельно существующее сформированное бытие и проговоренное. Таким образом, она уже сама есть бытие.

Все, что составляет жизненные позиции и установки индивидов, его систему представлений о мире, складывается на основе языковой системы. Язык оказывает значительное влияние на формирование мировоззрения и миропонимания, находится в отношениях взаимозависимости и влияния с культурной средой, в рамках которой он существует. Система миропроговаривания - миропонимание имеет два уровня – теоретический и обыденный. Теоретический уровень имеет прямое отношение к построению научной картины мира. Под научной картиной мира принято понимать систему представлений об общих свойствах и закономерностях окружающей действительности.

Научная картина имеет тесную связь с языком, поскольку именно в языке происходит формирование языковой картины мира, также посредством языка происходит проговаривание картины мира, ее перенос и трансляция. Миропонимание связано с конкретной языковой реальностью, отсюда следует, что существует множество различных, непохожих картин мира. Более подробно связь научной картины мира с языком, а также механизм формирования современной научной картины мира на основе ключевых слов будет рассмотрен в следующем параграфе.

§ 3. Языковой каркас современной научной картины мира

Ряд философских, культурологических и лингвистических точек зрения и концепций показывает, что языковая реальность играет в жизни социума одну из основополагающих ролей понимания окружающей действительности, формируя мировоззренческие установки и определенную языковую картину мира. Язык оформляет чувственное восприятие объективной реальности в

концептуальную оболочку, придавая ему объективность, осмысленность, целостность и обоснованность.

Посредством языка формируется языковая картина мира, являющая собой совокупность представлений о мире, определенную систему взглядов об окружающей действительности. Она выражает собой повседневный жизненный опыт и включает такие концепты, как: «человек», «любовь», «дружба», «добро», «правда», «истина», «свобода» и так далее. С языковой картиной мира имеет тесную связь научная картина мира, формирующаяся посредством языка и являющая собой теоретический уровень миропроговаривания - миропонимания. Научная картина мира, содержащая в себе особую категориальную сетку понятий и представлений, образует базис всех знаний людей о мире, характеризует определенную эпоху и уровень развития науки. Научная картина мира есть весь опыт человечества в его совокупности, представленный в концептах языка.

Целью данного параграфа является обоснование актуальной для современной философии темы генезиса научной картины мира, исследование последней при помощи механизма оформления языковой реальности в идейный каркас, который первоначально собирался на основе чувств и аффектов, но позднее стал управлять последними, подобно Кантовским категориям. Необходимо показать и проанализировать языковой каркас современной научной картины мира, как теоретического уровня миропроговаривания-миропонимания, проследить его изменения, особенность воздействия языкового каркаса на восприятие реальности, специфику его национальных особенностей.

Итак, обращаясь к самому понятию научной картины мира, необходимо, прежде всего, рассмотреть всю совокупность философских точек зрения на данное понятие и проследить взаимосвязь науки, научной картины мира с языком, взаимоотношение языковой и научной картин мира, а также особенности формирования особого языка науки, являющегося модификацией естественного языка.

В рамках историко-типологического подхода к изучению понятия научной картины мира, существует множество определений и различных точек зрения. Проблема выражения понятий в языке была разработана еще в античной философии и связана с именами Сократа, Платона, Аристотеля. Аристотелем были заложены основы научного языка, согласно которым язык рассматривался как средство истинного познания, помогающее познать мир чувственных вещей.

В связи с возникновением нового мировоззрения, связанного с философией И. Канта, особый интерес вызывает проблема языка. И. Кант подчеркивал роль языка в получении нового знания. Согласно его взглядам, изложенным в «Критике чистого разума», «Значительная, а может быть и наибольшая часть деятельности нашего разума состоит в расчленении понятий, которые у нас уже имеются о предметах. Благодаря этому мы получаем множество знаний, которые, правда, суть не что иное, как разъяснение или истолкование того, что уже мыслилось (хотя и в смутном еще виде) в наших понятиях, но по крайней мере по форме ценятся наравне с новыми воззрениями, хотя по содержанию только объясняют, а не расширяют уже имеющиеся у нас понятия»¹.

Большое внимание проблеме взаимодействия языка и науки было отведено в аналитической философии. Представители логического позитивизма, относящиеся к «Венскому кружку» подчеркивали, что в научных исследованиях важны связи между фактами, которые позволяет установить язык.

Язык науки в рамках русской языковой реальности начал складываться в начале XVIII века, когда наука нуждалась в языке, который бы выразил абстрактные понятия, недоступные языку обыденному. Формирование научного языка совпало с формированием национального русского языка, что, безусловно, не могло не повлиять на его специфику.

¹ И. Кант. Критика чистого разума. М.: Философское наследие, 1994. С. 22.

Российский философ, социолог С.Г. Кара-Мурза в своей работе «Идеология и мать ее наука»¹ связывал язык с определенной системой понятий, посредством которых человек воспринимает окружающую его реальность. Язык также являлся главным средством подчинения сознания людей. Наука сформировалась как разделение вещей и слов, человека и мира. Таким образом, благодаря появлению науки, у человека появилась возможность выделить себя из окружающего мира.

Согласно современной трактовке научной картины мира, изложенной в философском энциклопедическом словаре: «Научная картина мира – целостная система представлений об общих свойствах и закономерностях природы, возникающая в результате обобщения и синтеза основных естественно-научных понятий и принципов»².

В новейшем философском словаре дается следующее определение: «Научная картина мира – особая форма теоретического знания, репрезентирующая предмет исследования науки соответственно определенному этапу ее исторического развития, посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска».³

В. Постовалова в работе «Картина мира в жизнедеятельности мира» указывает на факт того, что: «Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт»⁴.

¹ Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. М.: Алгоритм, 2002. 256 с.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 407.

³ Новейший философский словарь. URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/New_Dict/ (дата обращения: 04.03.2011).

⁴ Постовалова В. Картина мира в жизнедеятельности мира. // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1998. С. 11.

О.А. Корнилов определяет научную картину мира следующим образом: «Научная картина мира – вся совокупность научных знаний о мире, вырабатываемая всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества»¹. Таким образом, благодаря соотнесению с научной картиной мира, достижения науки обретают смысл и мировоззренческое значение.

Для научной картины мира характерна определенная языковая оболочка. Язык представляет собой важное средство передачи и трансляции полученных научных знаний и общих положений о мире от поколения к поколению. Благодаря языку осуществляется получение новых знаний о мире.

Развитие науки происходит при помощи так называемого вербального выражения идеи. Уточнение законов науки – благодаря вербальному инструментарию. Под вербальным инструментарием, в данном случае, следует понимать научную терминологию в совокупности ее концептов, которая может быть применима к научному знанию на определенном этапе ее развития. Чем больше развит вербальный инструментарий, тем более четкое обоснование получают научные идеи и теории.

Наука невозможна без своего вербального средства выражения, которым является язык, поскольку ее положения требуют обязательного воплощения в каком-либо символе. Язык, являясь символическим выражением научных положений и законов, конкретизирует последние, облекая их в свою знаковую оболочку. Благодаря языку научные знания наполняются смыслом, способствующим их дальнейшему развитию и расширению.

Согласно В.С. Степину: «Научная картина мира – система наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых с помощью фундаментальных понятий и принципов»².

Следовательно, в составе научной картины мира выделяются два компонента: концептуальный и чувственно-образный. Научная картина мира

¹ Корнилов О.А. Языковая картина мира как производная национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. С. 5.

² Степин В.С. Картина мира и ее функции в научном исследовании. Киев, 1983. С. 86.

является неким образцом или критерием, относительно которого получает свою характеристику развитие науки на определенном этапе времени. В разработке научной картины мира фундаментальную роль играют понятия и представления, которые, по своей сути, являются вербальным отображением познания индивидом окружающей действительности.

В научную картину мира входит совокупность концептов. Язык можно обозначить в качестве основного структурного элемента науки. В зависимости от того, насколько развито научное знание, определяется роль языка в науке.

Язык играет важную роль в формировании теоретической картины мира. Наука оперирует определенными понятиями, основу которых составляют концепты естественного языка. Мы можем провести некоторую параллель между научной картиной мира и языковой реальностью. Рассмотренная в первом параграфе проблема формирования мировоззрения на базе языковой реальности, предполагает фундаментальное взаимодействие языка и мировоззрения при помощи миропроговаривания.

В рамках определенной языковой реальности происходит трансформация чувственного восприятия действительности в отдельные представления и мировоззренческие установки, на основе которых формируются языковые и научные картины мира. Для картины мира характерно наличие определенной лексемы, которая позволяет ее выделить из общего ряда представлений и понятий объективного мира.

В.С. Степин и Л.Ф. Кузнецова в своей работе «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации» анализируют научную картину мира, полагая, что под ней обозначаются мировоззренческие структуры, лежащие в основании культуры конкретной эпохи. Научная картина мира, согласно их взглядам, является собой определенный мировоззренческий образ мира. «Научная картина мира взаимодействует с мировоззренческими структурами, образующими фундамент культуры, как непосредственно, так и опосредованно,

через систему философских идей, которые предстают в качестве рациональной экспликации соответствующих мировоззренческих смыслов»¹.

А.Я. Гуревич, давая определение научной картины мира, отмечает и ее этнический характер: «Научная картина мира – «сетка координат» при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. В каждой модели мира есть этнические особенности; универсальные понятия и категории (время, пространство, изменения, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение части и целого и т.д.: например, категория числа является универсальной для всех культур, но она глубоко национальна по способу выражения в языке конкретного народа как отражение склада ума); специфические черты у членов определенной социальной группы»².

О.А. Корнилов в работе «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов»³ отмечает факт того, что иноязычные концепты в науке со временем переносятся на национальную почву и получают свой национальный эквивалент. Язык науки имеет свою национальную специфику, при которой происходит синтез научного мышления и выразительных средств языка этноса. Для специфики русской научной картины мира характерны метафорические переносы. Так, например, в обозначении грибов существует два названия – одно научное, которое дается, как правило, на латинском языке, а второе является бытовым, полученным в народе. Латинское обозначение используется учеными. Гриб «подберезовик» имеет латинское обозначение «*Leccinum scabrum*», но в обычной жизни его именуют подберезовиком, что является главной характеристикой его месторасположения.

Также понимание пространства и времени существенно отличаются в различных языковых культурах. К примеру, для англоговорящего индивида новый день начинается после полуночи, тогда как для русскоговорящего с

¹ Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. С. 27.

² Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 26.

³ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

восходом солнца. В России неделя начинается с понедельника, а в англоязычной культуре – с воскресения.

Мировоззренческие структуры, выразителем которых на определенном промежутке времени является научная картина мира, складываются под влиянием конкретной языковой парадигмы и представляют устойчивые конструкции. Следовательно, любой теоретический материал, закрепленный в научной картине мира, является, прежде всего, вербальным выражением господствующих в определенном обществе взглядов и концепций.

Научная картина мира не может существовать вне языковой реальности, так как именно язык является идейным выразителем мировоззренческих структур. Поскольку выразителем конкретной эпохи являются определенные мировоззренческие структуры, уместно будет отметить их постоянную изменчивость и трансформацию на базе длительного исторического периода. Изменение мировоззренческих структур, в свою очередь, приводит к изменению научной картины мира.

Научная картина мира является собирательным элементом языковой и концептуальной картин мира. В ней мировоззрение носителей конкретной языковой общности получает более точное и полное определение. Таким образом, научная картина мира берет свое начало из языковой картины мира.

Существует взаимодействие между языковой и научной картинами мира. Представления языковой картины мира носят более «наивный» характер, в них нет четкой логической обоснованности и определенности, характерной для научной картины мира. Концепты, относящиеся к языковой картине мира, являются применимыми к области повседневных явлений бытия социума, не имеющих под собой строго доказуемой научной базы.

Таким образом, существует связь и зависимость научной картины мира от того языка, в рамках которого данная научная картина мира была сформирована. То есть для каждой научной картины мира характерна определенная национальная специфика, поскольку она оформляется, в первую очередь, при помощи языковых средств.

Под научной картиной мира следует понимать языковой каркас, являющийся вербальным выражением господствующих в конкретной культуре и на конкретном этапе времени взглядов на мир. Научная картина мира отображает значение абстрактных объектов объективной реальности при помощи различных языковых средств, формируя особого рода научную терминологию.

Научная картина мира есть облаченная в идейный каркас языковая реальность.

Поскольку имеются существенные различия между различными языками и, как следствие, языковыми картинами мира, то, следовательно, эти различия будут проявляться и в научной картине мира в виде ее специфических национальных особенностей. В результате обращения к научной картине мира, индивид выявляет свою принадлежность к определенной культуре и языковой общности. В работе мы будем исходить из такого понимания научной картины мира.

Прежде чем перейти к исследованию каркаса современной научной картины мира, необходимо определить смысл самого понятия «языковой каркас», понять, что именно составляет его сущностные особенности и характеристики. Само понятие языкового каркаса в данном диссертационном исследовании было заимствовано у Р. Карнапа, внесшего большой вклад в развитие философии языка. В работе «Эмпиризм, семантика и онтология»¹ Р. Карнап рассматривал языковой каркас в качестве особого рода языковой системы, подчиненной определенным правилам. По его мнению, существует проблема исследования и понимания абстрактных объектов в научном контексте, а также связь абстрактных объектов с семантикой.

Согласно Р. Карнапу, желание кого-либо говорить на своем языке о новом виде объектов, должно быть связано с вводом системы новых способов речи, которая должна подчиняться новым правилам. Р. Карнап назвал этот

¹ Карнап Р. Эмпиризм, семантика и онтология. URL: <http://www.fidel-kastro.ru/filosofy/karnap/0.22.html> (дата обращения: 06.04.2011).

процесс созданием языкового каркаса для новых объектов. С точки зрения Р. Карнапа, признание чего-либо реальной вещью или событием связано с включением этой вещи в систему вещей, которые признаны реальными в соответствии с правилами каркаса.

Языковой каркас затрагивает вопрос об онтологическом статусе абстрактных объектов. В рамках данной системы, согласно Р. Карнапу, можно говорить о сущностях определенного рода. Вне рамок языковых каркасов невозможно осмысление существования абстрактных объектов. Принятие определенного языкового каркаса связано с принятием истинности определенных положений. Абстрактные объекты допустимы в той мере, насколько приемлем языковой каркас для данных объектов.

Опираясь на теорию языкового каркаса Р. Карнапа, можно прийти к выводу, что любое научное знание предполагает разработку и использование специального языкового каркаса, в рамках которого отдельно взятые абстрактные понятия получили бы теоретическое осмысление. Языковой каркас является отражением господствующей научной парадигмы.

В определенные периоды возникают особого рода противоречия внутри системы языковой науки, что способствует изменениям в рамках научного аппарата. Т. Кун, занимающийся исследованием научных революций, отмечал, что смена научных парадигм напрямую связана с изменением значений научных терминов, связанных с фактом употребления старых слов, подразумевающих под собой новые значения.

В. Куайн исходил из мнения, что восприятие мира накладывает свой отпечаток на языковое выражение этого мира. Таким образом, язык является теорией восприятия. Любая теория относительна к тому языку, на котором она получает свое выражение, так язык науки получает национальную специфику. Научная картина мира отражает особенности менталитета нации. Наука не может развиваться без языка. Знание, которое не было сведено к слову, не может стать всеобщим знанием. Таким образом, знаковая система оказывает огромное воздействие на формирование науки.

Также в состав любой науки входит совокупность концептов. Согласно О.Б. Куликовой, концепт реальности конституирует всю научную деятельность. «Установка на реальность значима для науки как специфической системы познавательной деятельности, нацеленной на объяснение мира. Она позволяет построить объяснение, в основе которого полагается каузальная детерминированность, а не теологическая. Концепт реальности относится к числу нормативных факторов становления и развития научного познания. Он служит для обоснования самой возможности достичь Истины»¹. О.Б. Куликова отмечает, что концепты помогают определить идентичность научного знания, специфику науки.

Если для классической науки, по мнению О.Б. Куликовой, было свойственно отождествление реальности с устойчивостью определенных свойств и связей вещей, то в неклассической науке реальности придавался феноменалистский смысл. Устойчивость реальности в условиях неклассической науки напрямую начинала зависеть от логико-лингвистического каркаса, в рамках которого она была репрезентирована.

В.А. Иванова в работе «Некоторые тенденции развития научной картины мира»² отмечает язык в качестве средства, которое не просто формирует понятия и представления, но и является их важным условием. Существует связь генезиса научной картины мира с конструированием языкового каркаса и категориальной сетки. Картина мира находится в прямой зависимости от языка. Динамика развития научной картины мира, по мнению В.А. Ивановой, связана с развитием языковых средств выражения, развитием понятийного аппарата научной теории, с новой интерпретацией знаний, полученных на прежнем языке.

М.Х. Хаджаров подчеркивает, что генезис науки в области семантики понятий является процессом становления новой научной терминологии и понятий нового языка науки. Развитие языка науки увеличивает количество

¹ Куликова О.Б. Концепт реальности и проект «Наука». // Вестник Ивановского государственного энергетического ун-та, 2010. Вып. 1. С. 71.

² Иванова В.А. Некоторые традиции развития научной картины мира. URL: http://filosof.barnaul.vzfei.ru/public_s/Ivanova/0.5htm (дата обращения: 15.05.2011).

вовлеченных в сферу познания новых предметных областей. «...научное мышление представляет собой продукт сложного познавательного процесса, включающего в себя выделение объекта и предмета исследования, использование множества различных логических приемов и методов, специального языка»¹.

Опираясь на вышеизложенные концепции, можно сделать вывод, что генезис научной картины мира может быть определен, в первую очередь, генезисом языковой сферы, представленной в виде научной терминологии и языка науки. Изменения понятийного аппарата приводят к изменениям в толковании различных теорий и научных концепций. Образуется новый взгляд на старые законы науки при помощи сформированных новых концептов.

Взгляд на старую область явлений под новым углом языковой парадигмы, стимулирует расширение поля изучаемых наукой объектов, а также порождает изменения господствующих в обществе научных взглядов и представлений. С помощью вербального инструментария индивид создает определенный языковой каркас, применимый к конкретной области изучаемых явлений.

Изменения, происходящие в языковом каркасе, приводят к изменениям в мировоззренческих структурах социума и, как следствия, к изменениям в их понимании устройства мира. Происходит трансформация научной картины мира, изменение ее фундаментальных принципов и понятий. Таким образом, генезис научной картины мира, обусловлен, прежде всего, изменениями, происходящими внутри языковой сферы.

Научную картину мира образуют объекты действительного мира. Но получить целостность, стать доступными для понимания абстрактные объекты могут только через языковые средства. На основе естественного языка формируется концептуальный каркас, который, в свою очередь, образует базу научной картины мира.

Взяв за основу теорию языковых каркасов Р. Карнапа, можно прийти к заключению, что языковая реальность, будучи теоретическим выражением

¹ Хаджаров М.Х. Эволюция науки и развитие научного мышления. Credo. 2000. № 1. С. 68.

научной картины мира, получает свое идейное воплощение при помощи специально созданного языкового каркаса, включающего в себя различные концепты. В данном параграфе языковой каркас современной научной картины мира дополняется соответствующим набором концептов, отражающих современную общенаучную парадигму, в отличие от Р. Карнапа, представившего языковой каркас в весьма абстрактном виде.

К числу концептов языкового каркаса можно отнести наиболее важные и значимые проблемы современности, на изучение которых направлено научное знание. Языковой каркас, в данном случае, определяет онтологический статус абстрактных объектов, применительно к конкретной научной картине мира. Генезис научной картины мира осуществляется совместно со сменой общенаучной парадигмы, основанной на принятии определенных языковых средств и концептов.

Трансформация научного знания проходит последовательные фазы смены вербального выражения его конструкций. Языковой каркас не является раз и навсегда репрезентированной моделью восприятия и выражения научных идей и теорий, а, напротив, представляет собой постоянно изменяющееся явление.

Каркас современной научной картины мира составляют ключевые концепты, закрепленные в языке науки определения абстрактных объектов реальности. По мере развития и накопления новых знаний, происходит расширение понятийно-категориального аппарата индивида, когда осуществляется переход к новой концептуальной системе и, как следствие, смена одного языкового каркаса на другой.

Языковой каркас научной картины мира со времен классической науки претерпел значительные изменения. В эпоху Нового времени была создана первая научная картина мира, которая не была основана на религиозных принципах и в качестве своего основного ориентира имела объективную истину.

Каркас научной картины мира Нового времени был представлен такими концептами, как: «сила», «закон», «эволюция», «наследственность»,

«электричество», «метафизика», «эксперимент», «субстанция», «электромагнетизм». В качестве подлинной реальности рассматривалась природная реальность. Для науки была характерна наглядность.

Каркас научной картины мира эпохи неклассической науки являл себя в: «материи», «пространстве», «времени», «движении», «взаимодействии», «причинности», «закономерности», «развитии», «системности», которые можно отнести к основным концептам языкового каркаса. Для неклассической науки, существующей в эпоху культуры модерна была характерна ситуация, при которой бытие получало новую интерпретацию, появился новый взгляд на реальность. «Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины»¹. Реальность упрощалась до трехмерного пространственно-временного континуума. А индивид оказывался ограниченным рамками данного трехмерного пространства.

Каркас современной научной картины мира постнеклассического научного знания, включает концепты: «квантовая механика», «самоорганизация», «интеграция», «инновация», «нанотехнология», «виртуальная реальность», «информация», «компьютеризация», «электронные технологии», «интерактив». Существенно меняется понимание реальности.

Саму реальность можно обозначить при помощи понятий плюрализма, фрагментарности и изменчивости. Для культуры постмодерна характерно дробление реальности, множественность, при которой мир распадается на отдельные фрагменты.

В такой реальности отсутствует какой бы то ни было элемент целостности, напротив, она представляет собой хаотичное множественное образование. Допускается мысль о многомерности мира, отличающая современную научную картину мира от картины мира неклассической науки.

Данный каркас образован различными междисциплинарными концепциями. С каждым разом понимание мира значительно изменяется и это

¹ Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 49.

связано с развитием науки. Изменение каркаса накладывает отпечаток на формирование мировоззрения. Таким образом, смена каркаса связана с пересмотром основных вопросов устройства мира.

Для неклассической и постнеклассической науки, например, характерно полное отсутствие наглядности, а весь процесс познания направлен на изучение физической реальности.

Каждая смена языкового каркаса связана с более фундаментальным изучением мира. Современный языковой каркас можно охарактеризовать нацеленностью на многообразие, а также стиранием граней между изучаемыми явлениями. Языковому каркасу также свойственно постоянное обновление.

Следовательно, наглядное изображение генезиса языкового каркаса научной картины мира подчеркивает, прежде всего, его связь с изменениями, происходящими в области самого научного знания. Данные изменения затрагивали также само понимание и восприятие реальности, с одной стороны, как объективного, целостного, а с другой стороны, структурно-функционального образования.

Под реальностью понимается определенное видение мира. На каждом из представленных временных отрезков языкового каркаса научной картины мира происходит осознание реальности, трансформация ее видения и понимания. При помощи языкового каркаса не просто создается научная картина мира, но и творится новая реальность.

В рамках языкового каркаса научной картины мира наблюдается постоянная тенденция к интеграции и объединению входящих в него понятий. Изначально рассматривающиеся понятия, например, пространство и время, в рамках современного языкового каркаса начинают анализироваться в качестве целостного объединения – пространственно-временного континуума. Таким же образом происходит синтез различных сфер науки, например, физики и химии.

Регулярная тенденция к расширению научного знания приводит к постоянной смене действующих понятий внутри языкового каркаса. Чем

больше скорость развития научного знания, тем чаще происходит замена старых понятий языкового каркаса новыми.

Важным элементом современного научного знания является тенденция к постоянному росту информации, а также нацеленность на развитие информационных и компьютерных технологий. В рамках данных явлений происходит частичная виртуализация пространства, дробление реальности, возможность наличия различных типов реальности, а также погружения индивида в эти типы. Следовательно, индивид больше не ограничен какой-то одной реальностью.

Итак, генезис научных представлений обусловлен генезисом вербальных представлений, сложившихся внутри данного языкового каркаса. В определенные исторические периоды внутри данного языкового каркаса возникали определенного рода противоречия, которые затем снимались и разрешались в результате формирования и замещения старых представлений новыми.

В современной научной картине мира находят вербальное отражение представления, характеризующие определенное миропонимание конкретного исторического периода. Существует тесная взаимосвязь и взаимозависимость языковой реальности и научной картины мира, находящая свое выражение в специфическом национальном видении некоторых явлений окружающего мира, существовании некой бинарности их обозначения в рамках научного и обыденного языка.

Первоначальное формирование языкового каркаса научной картины мира осуществлялось под воздействием чувственного восприятия окружающей действительности. Для классического научного знания была характерна наглядность. Для понимания сущности окружающих явлений необходимо было сначала обратиться к чувственным ощущениям, чтобы затем выразить их в виде определенного рода концептов. Происходило постепенное формирование базы научных терминов и понятий, ее постоянное накопление и расширение. Использование данной базы позволило индивиду, в процессе его дальнейшего

познания мира, в наименьшей степени апеллировать к чувственным ощущениям и восприятиям, руководствуясь, прежде всего, имеющимся у него запасом знаний и представлений.

Следовательно, получение какого-либо нового знания ориентировало индивида на совокупность предыдущих представлений, имеющих место быть в научной картине мира. Происходило доминирование вербального восприятия над чувственным. Таким образом, современная научная картина мира была сформирована, прежде всего, на основе уже имеющегося языкового каркаса, который был определенным образом преобразован и модифицирован, а не на данных результатов органов чувств.

Понимание реальности обусловлено особенностями конкретного языкового каркаса, в рамках которого определяется и характеризуется вся научная парадигма и, как следствие, научная картина мира. Следовательно, не чувственные восприятия, а языковой каркас научной картины мира управляет представлениями индивидов. Данный аспект, безусловно, можно отнести к новизне работы. Генезис языкового каркаса, отражающего научную картину мира, означает также и генезис научной картины мира.

Языковой каркас предстает в виде главного механизма формирования научных представлений и идей. На базе языковых средств складываются различные научные концепции. Смена языкового каркаса ведет к неизбежной смене научной парадигмы и, как следствие, научной картины мира. Языковой каркас является не просто продуктом идейного оформления конкретной языковой реальности, он есть двигатель науки, основной выразитель онтологической проблематики конкретного исторического периода.

Языковая реальность составляет огромный пласт человеческой культуры в целом. Нормальное функционирование индивида и социума возможно только во взаимосвязи с языком, языковыми средствами. Концептуализируя предметный мир, языковая реальность включается в мировоззрение и мироощущение индивидов, формируя систему устойчивых представлений об окружающей действительности. Формирование мировоззрения происходит

через постоянный процесс миропроговаривания - миропонимания, когда при помощи языка отдельные явления окружающего мира получают осмысление.

В рамках языковой реальности возникают различные картины мира – языковая картина мира, научная картина мира. При помощи языка картины мира внедряются в сознание индивидов, формируя устойчивые представления. В рамках русской культуры существует феномен бытийственности языковой реальности, согласно которому, язык перестает быть просто средством обозначения и называния явлений, начиная обладать собственным бытием. Русская языковая реальность также является сферой совмещения физического и символического универсумов, постепенно трансформируясь в реальность высшего порядка, единственную в жизни социума.

Глава 2. Исторические метаморфозы миропонимания в русской культуре

Для индивида на определенном этапе символическое восприятие по отношению к чувственному стало приобретать доминирующее положение, заменив физическую информацию о мире символами языковой сферы. Таким образом, появился еще один канал познания окружающей реальности – вербальный. Языковая реальность, посредством которой происходит осмысление действительности, доступна для анализа, представлена как в материале, так и в многочисленных вариантах его репрезентации. Целью данной главы является обозначение и анализ исторических метаморфоз четырех временных механизмов: русского фольклора, русской религиозной философии, русской коммунистической идеологии и процессов сакрализации брендов в современной культуре.

Русская культура включает в себя различные мировоззренческие установки, от обыденных до философских, выраженных посредством языкового каркаса. Каждый языковой каркас есть сумма концептов, отражающих миропонимание культуры определенной эпохи. Концепт русской языковой реальности является миропроговариванием, на базе которого формируется, как теоретическое мировоззрение (научное), так и обыденное, представленное в различных формах. Для России характерно сакральное отношение ко всем явлениям действительности. На протяжении всего исторического периода сакрализовались различные явления культурной среды. Само слово было сакральным. В предыдущей главе был проанализирован теоретический уровень системы миропроговаривания - миропонимания, а данная глава посвящена рассмотрению обыденного уровня миропроговаривания - миропонимания. Выявляются метаморфозы временных механизмов, ответственных за выработку социально и культурно значимых языковых констант в русской культуре: русского фольклора, русской

религиозной философии, русской коммунистической идеологии и современные процессы сакрализации брендов, появлении брендового мировоззрения.

Для русского миропонимания характерны свои культурно-языковые особенности, обратное воздействие языка на культуру. Любые изменения, происходящие в миропроговаривании, могут как упростить культуру, так и сузить мировоззрение.

Концепт русской языковой реальности является всеобъемлющим по отношению к русской культуре, это не только база культуры, но и основа миропонимания. Развитие концепта русской языковой реальности в русской культуре происходило поэтапно, затрагивая и отражая особенности миропроговаривания различных исторических эпох. Так, русский фольклор является предфилософией или протофилософией, в его пределах зарождалась русская языковая реальность, главной его особенностью являлось содержание метафор. Русская религиозная философия через посредство концепта «любовь» выражала базовые ценности русской культуры.

Новации в миропроговаривании, вторжение инородных концептов в русскую языковую реальность оказывают воздействие как на культуру в целом, так и на миропонимание. Так, в эпоху советской идеологии советизм являлся отличительным элементом русской культуры, на базе которого формировалась новая культурная ситуация и иное миропонимание. Характерное для культуры модерна слияние нескольких слов в одно приводило к упрощению культуры и языковой реальности.

Бренд относится к главному элементу культуры постмодерна, он есть симулякр современности, дробящий реальность на фрагменты и относящийся к сфере сакрального, именно поэтому он получил такое широкое распространение в русской культуре. Посредством бренда в современной русской культуре происходит трансформация сакрального, замена подлинного сакрального статуса его мнимым, ненастоящим симулякром.

Таким образом, посредством схемы миропроговаривание - миропонимание осуществляется формирование мировоззрения в национальном контексте.

§ 1. Мирозидание в онтологической структуре русского фольклора

Язык позволяет понять подлинную сущность народа, проникнуть в глубины его миропонимания. Посредством языка формируется определенная языковая картина мира, которая представляет собой систему мировоззренческих установок языковой общности, выраженную в совокупности концептов. В состав каждой языковой картины мира входит определенный набор концептов, имеющих особенное значение и ценность для ее носителей.

Языковая картина мира может быть сформирована концептами из различных областей духовной культуры, как философии, так и художественного творчества. Безусловно, что в понимании культуры той или иной этнической общности, носителя конкретной языковой реальности решающую роль играет изучение и понимание ее концептуальной базы, которая является выразителем менталитета и мировоззренческих установок.

Изучение народного творчества представляет собой важный аспект в познании культуры, поскольку именно в нем находят свое наиболее яркое выражение быт и традиции народа, то сокровенное, что остается скрытым в других областях духовной культуры.

Фольклор является главным элемент народного творчества, народной культуры, неотделимым от всей духовной культуры России, раскрывающим ее сущностные качества и особенности.

Целью и задачей данного параграфа является анализ мирозидания в субстанционалистской терминологии русского фольклора, который заключен в рассмотрении основных концептов картины мира, создаваемой в русском

фольклоре, а также раскрытие при помощи данных концептов основных мировоззренческих ориентаций русского народа, динамику их развития.

Задачей исследования является рассмотрение концептов картины мира русского фольклора не с точки зрения лингвистики, как это делалось прежде, а с позиций философского анализа данных концептов.

Еще В.Г. Белинский отмечал выдающуюся роль фольклора, утверждая, что тот лучше истории говорит о быте народа, являясь зеркалом его души.

Действительно, только через фольклор, как основной выразитель духовной истории народа, возможно понимание основных мировоззренческих идей конкретной исторической эпохи, ее этических и моральных ценностей.

Фольклор составляет мощнейшую концептуальную базу русской духовной культуры, его терминология относится к области констант национальной культуры России. Поскольку посредством фольклора осуществляется сохранение и передача культурных традиций этноса, уместно будет отметить так называемый этноберегающий характер фольклора, его значимость для обеспечения существования этноса. Это объясняется тесной связью фольклора с жизнью народа, его историей и бытом. Фольклор – это часть национальной духовной культуры, в его рамках получают развитие различные социальные и демократические элементы, посредством него проявляется общность и патриотичность русской нации. Именно фольклор является выразителем общих взглядов и идеалов, а также важных жизненных вопросов, он выражает национальное сознание.

Как отмечал в своей книге «Русское устное народное творчество»¹ Б.И. Краснобаев, посредством фольклора создается национальная картина мира с характерными для русского народа обрядами и элементами быта. Фольклор формируется народом и является отражением всего его жизненного опыта, понятий и мировоззренческих установок, накопленных в течение длительного исторического периода.

¹ Краснобаев Б.И. Русское устное народное творчество. URL: <http://rusprogram.ru/> (дата обращения: 15.05.2011).

Содержание фольклора выражает жизнь народа, его особое миропонимание, для фольклора характерна некая идейная сущность, позволяющая узнать подлинную историю русского народа. К основным жанрам русского фольклора относят былины, сказки, песни, пословицы, поговорки, частушки и т.д. Для него характерна символика образов, например: молодец – «сокол ясный» и т.п.

Русский фольклор характеризуется чрезвычайно высокой степенью символики. В большинстве случаев на конкретное явление указывается косвенно, при помощи определенных концептов – символов. Так, например, встретившийся в русской сказке символ женщины в белом одеянии красноречиво говорит о смерти.

Поскольку существует тесная связь фольклорной и этнической традиции, уместно будет также отметить взаимосвязь и взаимозависимость фольклорного мира от конкретного этноса, его менталитета, мировоззренческих установок и ценностей. Фольклор включает в себя множество жанров. Динамика его развития напрямую связана с изменениями, происходящими в обществе, со сдвигами в системе миропроговаривания - миропонимания. Так как фольклор является постоянно развивающейся системой, уместно будет отметить также его связь с поколениями.

Современный фольклор можно подразделить на сельский и городской. Городской тяготеет к массовой культуре, сельский – к традициям. Городской фольклор характерен для определенных общественных групп. Также огромное влияние на развитие современного русского фольклора оказывает Интернет, включающий в себя определенную общность людей.

Пример современных пословиц и поговорок: «Кому инфляция, а кому – благоприятная ситуация», «Пока есть газ и нефть, нам с голоду не помереть», «Сколько мусорное ведро не утрамбовывай – выносить все равно придется», «Чем круче джип – тем дальше топтать за трактором», «Не вернул кредита – считай рожа бита».

Также значительным метаморфозам в русском фольклоре подверглись считалки, используемые ранее в качестве наговора. Пример архаичной формы считалки: «Азии, двази, призи, зизи, пятом, мятом, шума, рума, дуба, крест». Позднее считалка стала относиться к детским формам фольклорного творчества. На развитие детского фольклора оказывают влияние средства массовой информации. Пример современной детской считалки: «На золотом крыльце сидели мишки Гамми, Том и Джерри, Скрудж Мак-Дак и три утенка, выходи, ты будешь Понка! Если Поночка уйдет, Скрудж Мак-Дак с ума сойдет!»

Без слова, как средства вербального выражения, не может быть существования русского фольклора. Именно посредством языковой реальности фольклор находит свое материальное воплощение.

К особенностям русского фольклора можно отнести его связь с жизнью и бытом людей. Русский фольклор всегда являлся отражением актуальных для конкретного исторического отрезка времени проблем. Так, например, в эпоху феодального строя в фольклоре отразились противоречивые отношения барина и мужика, что, в свою очередь, вылилось в ряде пословиц и поговорок: «Барская милость – божья роса» или «Барин говорит горлом, а мужик горбом». Отсюда вытекает связь фольклора с классами.

Для эпохи социализма был характерен особый, советский фольклор, имевший связь с коллективным началом. Пример советских пословиц и прибауток: «Видна из Кремля вся советская земля», «Власть советская пришла, жизнь по-новому пошла», «Красна песня складом, Советский Союз - ладом», «Кремлевские звезды путь к свету указывают», «Кто в Совете, тот за людей в ответе».

Для русского фольклора на протяжении всего его существования была характерна общность и идейное единство. Также русскому фольклору была свойственна патриотичность, идея единения русского народа и его победы над захватчиками и врагами русской земли. Примером патриотических пословиц,

могут служить следующие: «Тот герой, кто за Родину горой», «С родной земли умри, но не сходи».

Еще к одной особенности русской фольклорной традиции можно отнести идею единства Русской земли, любовь к природе. Земля сравнивается с матерью, кормилицей, одной из основных ценностей в жизни русского человека. Пример русских пословиц о земле: «Земелька черная, а хлебец белый родит», «Держись за землю матушку – она одна не выдаст», «Крестьянин без земли, как дерево без корня». Сакральное отношение к природе, временам года характеризует русскую самобытную культуру в целом: «Январь – году начало, земле середина», «Весна красна, да голодна; осень дождлива, да сыта».

Только для русского фольклора характерно наличие частушек и былин.

В статье Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Е.С. Новика «Статус слова и понятия жанра в фольклоре»¹ анализируется роль слова в русском фольклоре с точки зрения философии культуры. Ученые отмечали безусловную и неоспоримую роль слова в русском фольклоре, ведь именно слову принадлежит основополагающая роль в создании художественных образов русского народного творчества, а также их передачи от одного поколения другому. Фольклор в своей изначальной архаичной форме был в высшей степени сакрализован и приближен к мифу.

Слово в нем несло некую магическую и символическую нагрузку, выражало заложенные коллективные эмоции. Изначально заклинания или молитвы в русском фольклоре в его архаической форме являли собой сакральные слова. Магия слова заключалась именно в его повторении, кроме того, существовало табу на некоторые слова.

Сакральное слово было одновременно словом мифологическим, то есть связанным с определенной мифологемой. Это объяснялось тем фактом, что возник фольклор на почве ритуальности и повторения. Слово для архаики

¹ Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре. / Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 39–104.

являлось отдельно взятым существом, могло превращаться в живые и неживые предметы. Таким образом, мир воспринимался через миропроговаривание.

Итак, в пространстве русского фольклора существует большое количество различного рода мифологем, так к основным мифологемам можно отнести, например, образ царя-правителя, имеющего божественные корни, идеализированный и в некоторой степени гиперболизированный.

Традиционный же фольклор формировался в условиях зарождения государственного самосознания и был связан с частичной деритуализацией и десакрализацией.

Отмечена роль фольклора в формировании мировоззрения этноса в ряде философских работ. В исследовании «Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества» П. Л. Зайцев указывает, что русский фольклор успешно коррелируется с космо- и мезосферой оседлой моногамной семьи, включенной в соседскую или даже более архаичную семейную общину (у славян – задругу), создавая культуру, возделанную между враждебной степью и плотно заселенной Европой¹. Эта среда в которой проходил этногенез славян, формирующая идеалы совместной мирозозидающей деятельности определенным образом отличалась, например, от той, что послужила источником греческого и индийского фольклора, устанавливающих пределы Запада и Востока в культуре. Например, по мнению П. Л. Зайцева, в основу «Илиады» была положена «ритмизированная поэтическая артикуляция боевых техник, завершающихся неизменным срыванием доспеха»².

В работе А. В. Громова и С. Л. Громовой «Актуальные задачи философского изучения фольклорного наследия»³ фольклорное наследие выступает в качестве основы всего народного мировоззрения, являясь его

¹ Зайцев П. Л. Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества : монография. Омск: Изд-во «Амфора», 2010. С. 141.

² Зайцев П. Л. Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. Ч. I: Инициация. Омск: Изд-во Ом.гос.ун-та, 2015. С. 139.

³ Громов А.В., Громова С.Л. Актуальные задачи философского изучения фольклорного наследия // Музыка: искусство, образование, диалог культур: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. Махачкала, ДГПУ. С. 129–132.

выразителем. Фольклор содержит философские представления о мире и человеке, он содержит образ мира, который осваивает и воспринимает человек.

Согласно А. В. Громову и С. Л. Громовой, фольклор каждого народа относится к целостной мировоззренческой системе, вытекающей из конкретного фольклора. Это система мировоззренческих установок, которая содержит в себе развитие нации, ее взаимодействие с другими нациями в ходе культурного обмена. Картина мира, создаваемая в фольклоре, является позитивно-созидательной.

Основываясь на данной идее, можно сделать вывод, что вся сфера фольклора представляет собой своеобразный трамплин для формирования взглядов на мироустройство, любое мировосприятие. Мирозидание берет свое начало из фольклора, как кладези народной мудрости и знаний, того совокупного опыта, который при помощи народного творчества мог передаваться от поколения к поколению.

Таким образом, фольклор является предфилософией, системой жизненных взглядов и установок, в которых выражались такие глобальные проблемы бытия социума, как: первопричина и первоматерия, бытие и небытие. Он заключал в себе антропологические принципы, зачатки онтологии и гносеологии.

В русском фольклоре осуществляется особый механизм воспроизводства этноса, класса, поколения. Это важный гарант культурного бытия определенного этноса, языковой общности. С его помощью происходит воспроизводство культуры и, как следствие, ее бытие, как некоего духовного организма.

Для русского народа во все времена была характерна созерцательность, восприятие мира на эмоционально-чувственном уровне. Т.В. Воронина в своей статье «Образ политического лидера в русском фольклоре»¹ отмечает факт того, что образ носителя власти являлся одним из центральных в духовной

¹ Воронина Т.В. Образ политического лидера в русском фольклоре // Актуальные проблемы политологии: Сборник науч. работ студентов и аспирантов Российского ун-та дружбы народов. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 17–22.

культуре России, выражающей, прежде всего, патриархальный характер. Существовала ориентация на авторитет вышестоящего лица, которая преломлялась через церковную проблематику, что было связано с убеждением богоизбранности правителя, того, что власть дана ему от бога.

Для русского народа правитель был прочно связан с богом, бог осуществлял правление на небе, а царь на земле, что нашло выражение в народном фольклоре, например: «Бог – батюшка, государь - дядька». Правитель наделялся сверхъестественными качествами, нес ответственность за жизни людей, являясь надсоциальной силой.

И.И. Лапшин рассматривал фольклор в качестве почвы для философии, но считал, что в отличие от философского знания, в нем на первый план выходит не теоретическое, познавательное содержание, а отношение к практическим интересам жизни. Фольклор содержит в себе некий элемент, который на следующей ступени развития трансформируется в Логос.

Согласно В.Н. Путилову, для фольклора характерно вербальное выражение в тексте. Фольклорный текст содержит мотивы, символы, имена и стереотипы. Вербальные формы растворены внутри явлений этнической действительности. Фольклор особым образом обобщает реальность, образуя собственную реальность.

Также В.Н. Путилов утверждает, что для фольклора характерен специфический язык, система метафорических кодов. Он является вербальной системой, сформированной в недрах мифологии, для которой существенно и реально то, что сакрализовано. Сакрализация реализуется в фольклоре. Фольклор предполагает создание своей особой реальности.

Фольклорный мир схож с миром мифологии, поскольку повествует о вымышленных событиях, но одновременно включен в реальную жизнь этноса, класса, поколения. Он составляет так называемую «невидимую реальность». «Фольклор есть коллективное, традиционное знание, созданное человеческим творчеством и фантазией. Это знание в некоторых случаях манифестируется

через выразительные культурные формы, и это те формы, через которые фольклор передается»¹.

Интересна постановка проблемы концептосферы фольклора у Е.Б. Артеменко, который, анализируя проблему концептосферы фольклора, утверждал, что фольклор осуществляет воспроизводство континуум традиционных культурных смыслов, путем их семантического перекодирования в концептуальные составляющие устнопоэтической картины мира. Данные концепты объективировались средствами конкретной языковой системы.

Концептосфера фольклора получала свое выражение через призму семантики определенной языковой реальности. Таким образом, концептосфера получала свое воплощение в языке через миропроговаривание - миропонимание.

Система культурных смыслов фольклора, согласно работе Е.Б. Артеменко «Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия»², образовывала в языковом пространстве второй символический строй, состоящий из типизированных концептуальных структур. Таким образом, концепты фольклора, наслаиваясь на лексическое значение вербальной единицы, подчиняя его себе, создавали общефольклорную парадигму.

Следовательно, пространство фольклора представляло собой некое образование «два в одном», в котором лексическое значение одной вербальной единицы было слито воедино с определенным концептом фольклора, при этом, значение вербальной единицы получало значительное дополнительное расширение.

¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: Монография. СПб: Наука, 1994. С. 18.

² Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия. URL: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf (дата обращения: 15.09.2011).

В работе Г. И. Гурьяновой «Фольклор и философия в системе культуры»¹ отмечена взаимосвязь двух различных явлений духовной культуры – фольклора и философии. Фольклор отражает обыденное мировоззрение народа в различные эпохи, являясь источником нетеоретической мудрости. Для него характерна направленность на осознание бытия человека в мире, в чем и заключается связь с философией.

Исходя из представленных подходов, можно выдвинуть идею того, что в рамках фольклора на обыденном уровне осмысливаются вечные философские проблемы добра и зла, бытия и небытия. Философские законы и категории находят свое специфическое выражение. Поэтому возможно обозначить связь русского фольклора в какой-то мере с философией.

Весь русский фольклор пронизан различными концептами. Так, например, концепты добра и зла относятся к сфере мировоззренческих понятий. Как и в философии, они являются полярными категориями, некими противоположностями, между которыми происходит постоянное столкновение и борьба.

С точки зрения аксиологии, концепты, входящие в состав русского фольклора имеют прямое отношение к общечеловеческой системе ценностей, посредством них реализуются представления индивидов о нравственных идеалах, моральных установках, нормах поведения.

Добро и зло, как две диалектические противоположности, едины по своей природе, но одновременно противоречат друг другу, отсюда и вытекает их постоянная борьба. Так, в русском фольклоре, чтобы добиться чего-нибудь, индивид должен был сначала победить зло, совершив добро. Он постоянно сталкивается с выбором между добром и злом. Таким образом, развитие – это столкновение и борьба добра и зла, двух противоположных начал.

В русской философии антропологии категории добра и зла были проанализированы двумя выдающимися философами В. Соловьевым и Н.

¹ Гурьянова Г.И. Фольклор и философия в системе культуры // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. Труды и материалы: в 2 т. Т.2. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2001. С. 161.

Бердяевым. Однако, данные категории у каждого философа находили принципиально иное осмысление. Так, например, В. Соловьев исходил из идеи всеединства, которая есть добро и преодоление зла.

В своем произведении «Оправдание добра», В. Соловьев утверждал, что у добра не может быть никаких других мотивов, кроме него самого, оно сильнее зла. Добро свойственно человеческой природе, существует в сердцах людей. Оно коренится в чувстве стыда, жалости и благоговения, реализуясь в аскетизме, альтруизме и религиозном принципе. «Всякое нравственное учение, какова бы ни была его внутренняя убедительность, или внешняя авторитетность, оставалось бы бессильным и бесплодным, если бы не находило для себя твердых точек опоры в самой нравственной природе человека»¹.

Н.О. Бердяев исходил из мнения, что человек виновен не только в зле, но и добре. Без зла не было бы и добра, таким образом, зло является важным условием добра. Бог терпим ко злу. Философ добро и зло рассматривал в качестве онтологических сил. «Если бы не было различения добра и зла, не было бы зла, то никогда бы не возникла ни проблема теодицеи, ни проблема этики»².

Для русского фольклора всегда была характерна этическая установка на обязательную победу добра над злом, вера в то, что зло будет наказано, а любой негативный поступок повлечет за собой возмездие.

Таким образом, осмысление глобальных категорий добра и зла, моральных и нравственных идеалов берет свое начало с традиции народного творчества, в которой было обязательно наличие воспитательного элемента, сакрализация морали, следовавшей из некоего рассказа, повествования.

Деление мира на доброе и злое, темное и светлое – обязательное условие русской фольклорной традиции. Постоянная бинарная оппозиция характеризует все народное творчество в русской культуре.

¹ Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. С. 75.

² Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 37.

Другими важными концептами русского фольклора являются концепты жизни и смерти. Жизнь символизирует светлое начало, смерть, конечность всего сущего, темное начало, связанное с потусторонними силами. Уместно также будет отметить наличие в русском фольклоре бинарной оппозиции жизни и смерти, живого и неживого.

Смерть в русском фольклоре относилась скорее к области потустороннего, которую населяли сверхъестественные темные силы, а жизнь символизировала земную, повседневную жизнь. В русском фольклоре существовала граница между жизнью и смертью, вход в потусторонний мир был доступен только избранным.

Главный герой, в своей борьбе со злом, мог переступать границу жизни, попадая в потусторонний мир небытия, чтобы затем, победив его, вернуться обратно в земной мир. Причем первый цикл перехода совершается еще в детстве, испытания ребенка на проявление необходимых социуму качеств составляют ключевой сюжет русского фольклора, составляя основу сказок "Ивашко и Ведьма", "Баба-Яга и Заморышек", что убедительно показано в работе П.Л. Зайцева "Инициация: религиоведческие и культурфилософские контексты"¹.

Говоря о смерти или небытии в русском фольклоре, Т. А. Лисицына в работе «Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия»² отмечает раздвоенность бытия, которая выступает в качестве формы его непрерывности. Загробный мир аналогичен земному, в нем также присутствует деление на добрых и злых. Покойники влияют на бытие живых людей.

Существует диалектика жизни и смерти. Жизнь и смерть пронизывают друг друга, являясь взаимопереходящими формами непрерывного бытия. образом смерти в русском фольклоре традиционно выступала женщина в белом одеянии.

¹ Зайцев П. Л. Инициация: религиоведческие и культурфилософские контексты : Учебное пособие. Омск: Изд-во "Амфора", 2011. С. 87-88.

² Лисицына Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия. URL: <http://antropology.ru/ru/texts/lizis/tanatos5.html> (дата обращения 15.04.2011).

В традиции русского фольклора отсутствовал страх смерти, так как было возможно воскрешение, ее преодоление. Смерть воспринимали скорее позитивно, нежели негативно, как нечто неизбежное, как конец существования в одном мире и начало существования в другом мире – мире потусторонних существ.

Своеобразное выражение в русском фольклоре получили концепты пространства и времени. Время, существующее в рамках фольклорной парадигмы, существенно отличалось от реального времени действительного мира. Так, время определялось своей направленностью в прошлое, причем в его абстрактной форме, направляясь к изначальной точке своего отсчета, в «стародавние времена». В пространстве фольклорной парадигмы не существовало точного отображения времени года, не указывались эпоха, год, месяц, час.

Временной отрезок делился лишь на день и ночь, на до и после. Ночь являлась сферой бытия потусторонних сил, всего темного и злого. День, напротив, олицетворял собой подъем душевных сил, нечто светлое, с восходом солнца было связано рождение нового дня, как нового начала.

Н. А. Лантух в своей работе «Культурологический анализ категории «сакральная граница» в сказках А.С. Пушкина»¹ в ментальном пространстве-времени русского фольклора выделял так называемую «сакральную границу», разделяющую и связывающую человеческий мир с потусторонним миром. В русском фольклоре сакральная граница всегда обозначалась следующими терминами: «море-Окиян», «путь-дорога», «перекресток».

Временная граница обозначалась, как «восход», «полдень», «полночь», «Рождество». Временная граница делила природное круговое время, обозначая моменты размыкания пространственной границы между реальным и потусторонним мирами.

¹ Лантух Н. А. Культурологический анализ категории «сакральная граница» в сказках А.С. Пушкина // Культура народов Причерноморья. № 3. 1998. С. 182–188.

Согласно взглядам Н.А. Лантуха, все события, происходящие на заре, восходе солнца в русском фольклоре имели положительное содержание, поскольку считалось, что утренняя Заря дарит людям магическую силу. Рассвет закрывал вход в мир злой, нечистой силе. Нечистым временем считались полдень, полночь, глухая ночь.

В русском фольклоре никогда не называлось конкретного, точного месторасположения, вместо этого всегда указывались неопределенные величины, например: «где-то там за тридевять земель», «в тридевятом царстве, в тридевятом государстве». «Для архаичного мифопоэтического мышления пространство неоднородно: оно состоит из сакрального пространства – центра, обладающего абсолютной реальностью, и профанического периферийного пространства...»¹.

В исследованиях В.Н. Топорова, как такового рационализированного пространства не существовало в мифопоэтической модели мира. В фольклоре пространство всегда выступало в качестве оживотворенного, одухотворенного и разнородного начала.

Оно не являлось чем-то идеальным, абстрактным, конституируясь заполняющими его вещами. Пространство русского фольклора всегда заполнено и вещно, его нет вне вещей. Образует вместе со временем некое единство – хронотоп.

Мифопоэтическая вселенная, согласно В.Н. Топорову, есть широкое, развертывающееся вовне свободное пространство. Оно организовано и расчленено. В сказке герой отправляется вовне, на периферию пространства, которая всегда отличается высокой степенью опасности и концентрации злых сил.

В фольклоре фиксировалась языковая картина мира, а также особая ментальность русской нации, для которой были характерны такие качества, как стремление к крайности, эмоциональность, тенденция к фатализму.

¹ Топоров В.Н. Пространство и текст / Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 233.

В русском фольклоре концепт материнства занимает одно из центральных мест, являясь самым значимым по своей сути. Как обосновывает в монографии «Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества» П. Л. Зайцев, сюжеты подобные былинному походу Вольги в Турец-Землю, указывающие на дешевизну женского пола, особенно «старушечек» взятых в полон (старушечки - по полушечке) – достаточно позднее явление, связанное с «окончательной победой патриархального рода»¹. Однако, и в богатырском эпосе авторитет матери богатыря – непререкаем для сына.

Данный концепт для русской духовной культуры представляет разумную сущность, являясь источником жизни. С помощью данного концепта осуществляется построение всей концептуальной картины мира.

С точки зрения аксиологии концепт материнства занимает центральное место. С точки зрения мировоззренческой и этнокультурной специфики обозначает доверие, уважение, преданность.

Мать символизирует – начало жизни, если рассматривать данный концепт с точки зрения философской категории, то его можно отнести к области первоматерии, первоначала всего сущего. В русском фольклоре образ матери ассоциировался с землей, а образ отца с небом.

Любовь к матери пронизывала все пространство русского фольклора, а поскольку в русском миропонимании образ матери издавна был связан с землей, это способствовало распространению любви русского человека к своей земле и всему, что было с ней связано, например, земледелию, труду, связанному с обработыванием и возделыванием земли. Таким образом, в русском фольклоре происходит сакрализация образа матери-земли.

Существовала тесная связь русского фольклора с анимизмом и антропоморфизмом, также фольклор соединил в себе черты язычества и

¹ Зайцев П. Л. Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества : монография. Омск: Изд-во «Амфора», 2010. С. 88.

христианства, что проявлялось в соединении языческих представлений с христианским мировоззрением.

В русской культуре сохранились отголоски тотемизма в виде ритуальных пережитков и запретов. Русский фольклор связан с почитанием и величанием деревьев, птиц, зверей, а сказки с образами животных. Сказочные животные наделялись положительными человеческими чертами, защищая и приходя на помощь людям.

Существует тесная связь фольклора с конкретной языковой реальностью, поскольку именно посредством нее происходит процесс миропроговаривания - миропонимания. Пространство русского фольклора есть выраженная в определенной совокупности кодов языковой реальности система мировоззренческих установок конкретного этноса, класса, поколения.

Через призму фольклора этнос, класс, поколение осуществляют процесс миропонимания, осваивая культурные константы, моральные нормы и идеалы. Познание иной языковой общности осуществляется также посредством познания и изучения ее фольклорного материала, который представляет собой совокупный опыт поколений, ее миропонимание и мироощущение через миропроговаривание - миропонимание.

Пространство фольклора являет собой начальную, в некоторой степени архаичную ступень познания действительного мира, основанную, прежде всего, на бытовом, практическом отношении к реальным явлениям, а не на их теоретическом осмыслении.

Язык образует и отображает миропонимание индивида. Посредством языка и в самом языковом пространстве член языковой общности реализует собственное мирозидание. Терминологию русского фольклора характеризует субстанционализм, заключенный в признании некой сакральности, лежащей в основе всех явлений.

Вся субстанциональная терминология русского фольклора представляет собой систему бинарных оппозиций, некое диалектическое единство противоположных категорий.

Через данную диалектику происходило выражение русского духа и менталитета, формирование основного мировоззренческого восприятия и миропонимания. В русском фольклоре заложена особая реальность, бытие жизни, заключающееся в сакрализованном миропонимании.

Для русского менталитета характерен чувственный вектор миропонимания, находящий свое выражение в концепте «любовь». Любовь подвергалась сакрализации на протяжении всего исторического периода существования русской нации. Однако, свою концептуализацию и категориальный статус любовь почула в период расцвета русской религиозной философии.

§ 2. Любовь в русской религиозной философии

Каждая языковая реальность образует концептосферу, в состав которой входит определенное количество базовых концептов, отражающих культурные особенности, а также специфику менталитета языковой общности, закрепленной за данной языковой реальностью.

Поскольку физическая, психическая и социальная сущность индивида неразрывно связана с языковым миром, уместно также будет отметить сам факт того, что его бытие, как полноценной личности вне рамок языковой сферы становится невозможным. Язык образует свой собственный символический универсум, где физические явления приобретают конкретные символические образы.

Так как развитие сознания индивида, его мыслительных способностей осуществлялось параллельно с появлением и становлением языка, следовательно, приверженность к той или иной языковой системе является необходимым атрибутом существования человека, имеющего историю и культуру.

Концепты языковой реальности являются одновременно главными этическими ценностями в сознании носителей языка, определяющими

моральные и нравственные нормы, заданные и соблюдаемые в конкретном обществе. Таким образом, для реализации своего основного назначения в бытии социума, этическим нормам и ценностям необходимо иметь вербализованное выражение, что проявляется в их концептуализации в рамках господствующей языковой системы.

Этические ценности отражают вопросы добра и зла, счастья и справедливости, любви и ненависти, смысла жизни, то есть глобальные вопросы, пронизывающие все сферы бытия человека и имеющие, прежде всего, антропологическую направленность. Наличие непреходящих этических ценностей характерно для любого культурного общества.

Любовь относится к числу базовых ценностей, входящих в состав концептосферы русской языковой реальности, а ее понимание напрямую зависит от специфики культурных и языковых особенностей русской языковой общности.

Любовь является философско-антропологической категорией, проблемы сущности любви и ее значение для человека затрагивались различными философскими системами на протяжении всей человеческой истории.

В данном параграфе будет рассмотрена и проанализирована философская сущность концепта «любовь», как главной ценности русской культуры, выраженной через концепт русской языковой реальности.

Также любовь будет рассматриваться с позиций гносеологической, методологической и онтологической категорий русской философии для наиболее полного понимания ее сущностных характеристик и особенностей проявления в культурном пространстве русского социума, в рамках его языковой картины мира.

Итак, любовь является философской категорией. Понимание и классификация различных ее форм восходит к античности, где она подразделялась на эрос (влюбленность в форме почитания), филиа (любовь-дружбу), сторгэ (любовь-нежность) и агапэ (жертвенную любовь).

Интересны воззрения на природу и особенности любви русских философов, которые рассматривали ее с позиций онтологической и гносеологической категорий философии. Проблемами изучения любви в своих антропологических исследованиях занимались такие выдающиеся деятели, как: В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, П. Флоренский, Г. С. Сковорода, И. А. Ильин, Л. Карсавин, З. Гиппиус, Н. Лосский и другие.

Проблематика любви пронизывает все русскую религиозную философию, что связано, прежде всего, с неподдельным интересом русских мыслителей к проблемам человека и в, частности, к его духовной жизни.

Духовность – это та черта, которая отличает русскую культуру и менталитет от западного типа мировоззрения, основанного на материальных ценностях и отражающего совершенно иной тип миропонимания.

Философское понимание любви в России связано с признанием ее сложности, многомерности и синкретизма. Существовало два направления в понимании феномена любви. Первый представлял собой синтез идей платоновского Эроса с современными философскими идеями, его представителями являлись Н. Бердяев, В. Соловьев, Л. Карсавин, З. Гиппиус. Первое направление основывалось на идее создания при помощи любви целостной человеческой личности.

Второе направление было связано с богословием, где любовь представлялась в виде сострадания и жалости. Ориентировалось на средневековые понятия «*cantas*» и «*agape*». Данное направление было представлено в лице таких выдающихся мыслителей, как П. Флоренский, Н. Лосский, И. Ильин. В русской религиозной философии любовь представляет онтологическую категорию, у истоков которой находились Бог и Божественная София.

Г.С. Сковорода¹ в своих работах отмечал, что любовь вызывается любовью, когда она основана на благосклонности и благоволении в соединении с добродетелью. Любовь есть союзом между Богом и человеком. Это огонь в

¹ Сковорода Г.С. Соч. в 2 тт. / Г.С. Сковорода. Харьков: Майдан. 2010. 1400 с.

сердце человека к Божественному слову и воле. Вся сила десяти заповедей, по мнению философа, заключена в слове «любовь». Церемонии и обряды являются внешним выражением любви через миропроговаривание - миропонимание.

Любовь, рождаясь в сердце человека, сосредотачивает в себе духовное и телесное бытие. Под влиянием идей платонизма Г.С. Сковорода выдвинул положение, касательно которого сама любовь предполагает некое сродство с ее предметом, следовательно, существует изначальная метафизическая предрасположенность к любви.

Максим Грек¹ полагал, что любовь к Богу и ближнему находится превыше всего в душе человека. Познать любовь можно только чистым сердцем и умом. Дар любви ко Всевышнему и ближнему дается Богом. С любовью соединяется милость ко всем нуждающимся.

В. С. Соловьев рассматривал любовь в качестве главного атрибута всеединства. В своем произведении «Смысл любви»² философ отмечает любовь в качестве истины, которая выводит человека из его ложного самоутверждения. Любовь является упразднением эгоизма, спасением индивидуальности, а также возвышением индивидуальности.

Любовь важна, поскольку именно с ее помощью осуществляется перенос жизненного интереса из себя в другое, в любви познается Божественный образ. Она, по мнению В.С. Соловьева, есть нечто абстрактное. Любовь – это слияние с мировой душой – Софией.

Н. А. Бердяев отмечал, что таинство любви находится выше закона и вне закона, в нем находит свое начало преобразование природы. Любовь, согласно работе Н. А. Бердяева «Тайные силы любви»³, есть творческое дерзновение, творческое откровение человека. Любовь трагична, не подчиняется никаким нормам.

Величайшее в любви, по мнению Н. А. Бердяева, это отречение от жизненной перспективы, особого рода жертвенность. Любовь теснее связана со

¹ Грек М. Соч. преп. Максима Грека Казань, 1859-62, ч. 1-3. 552 с.

² Соловьев В.С. Смысл любви. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm> (дата обращения 15.05.2011).

³ Бердяев Н.А. Тайные силы любви. URL: <http://www.aquarun.ru/psih/psex/ps5.html> (дата обращения: 15.05.2011).

смертью, чем с рождением и в этом заключен залог ее вечности. Жертвенность делает любовь свободной. Свобода любви и есть небесная истина. В боге встречаются любящий и любимый.

Особенными чертами обладает учение о любви другого выдающегося русского философа В. В. Розанова. В своем произведении «Опавшие листья. Короб второй»¹, В. В. Розанов приходит к выводу, что любовь не является чем-то абстрактным, а, прежде всего, это нечто конкретное, выражающее чувства к конкретному человеку.

Через любовь проявляется целостность человека, объединяется дух с телом. Любовь составляет сущность человека, люди рождаются для любви, именно любовь лежит у основ религии и нравственности. Любовь является высшей ценностью, через которую осуществляется гармония чувства и разума.

В. В. Розанов утверждал, что именно любовь лежит в основании бытия, тем самым, подчеркивая ее онтологический статус. Это источник истинного познания, критерий истины, мерило всех явлений объективной действительности.

У П. Флоренского любовь рассматривается, прежде всего, как гносеологическая категория. В своей работе «Столп и утверждение истины»² П. Флоренский уделяет вопросам любви большое значение, понимая любовь не абстрактно, а в виде конкретной любви всех монад. Любовь, согласно П. Флоренскому, является способом познания Бога, родовым процессом слияния с богом.

Любовь есть не просто психический процесс. Это субстанциональный акт, который переходит с субъекта на объект, отождествляя два существа. Любовь невозможна без участия Бога, поскольку любить можно только через Бога. Любовь формирует новую реальность, состоящую из любви, красоты и истины. Только посредством любви человек обретает целостность. Для любви, согласно П. Флоренскому, нужна, прежде всего, Божья любовь.

¹ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб второй. М.: ООО «АСТ», 2003. 54 с.

² Флоренский П. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. 827 с.

Л. Карсавин в своих работах исследует любовь с точки зрения ее двуединства - слияния любви и любящего. У любви диалектическая природа, поскольку она есть двуединство жизни и смерти. В любви человек осознает себя в качестве личности.

В работе Е.В. Мочалова «Любовь в русской философии всеединства»¹ анализируется проблематика любви, согласно которой любовь пронизывает бытие человека, способствует гармонии и целостности всего сущего. Русские мыслители стремились к некоему идеалу, в основе которого лежит любовь.

Любовь есть главное предназначение человека, она трактовалась, прежде всего, в качестве главной божественной тайны, имела тесную связь с этикой, эстетикой и религией. Для любви был характерен антропоцентризм, то есть обращенность к человеку, всеобъемлющий характер. Русские философы отмечали тот факт, что при помощи любви возможно преодоление отчуждения человека от Бога.

Любовь придает бытию человека целостность. Это основа творчества в русской культуре. Любовь, прежде всего, как явление духовное, как условие бытия, рассматривается с точки зрения православия.

Для философии всеединства любовь являлась не столько чувством, сколько жертвенностью, не просто отношением между мужчиной и женщиной, а самыми глобальными вопросами бытия человека. Для нее всегда была характерна связь с такими этическими категориями, как добро, истина и красота. Любовь – это то, с помощью чего человек побеждает зло, она преображает мир и людей.

Глубинная связь в русском миропонимании любви с этическими категориями еще раз подчеркивает ее высокоморальные свойства и значение для духовного развития и становления человеческой личности. Объединяющий принцип, на котором строилась вся онтология любви в русской философии, имел определенную значимость для всей русской нации, поскольку именно

¹ Мочалов Е.В. Любовь в русской философии всеединства. URL: <http://www.eunnet.net/sofia/05-2002/text/0517.html> (дата обращения: 20.05.2011).

благодаря ему осуществлялось всеобщее бытие социума, основанное на принципах взаимного уважения, самопожертвования.

Любовь здесь следует понимать не в качестве чувства, возникшего между двумя индивидами, а значительно шире, в качестве общественного, всеобщего явления, затрагивающего каждого из членов социального организма, способствующего его дальнейшей гармонизации.

Таким образом, любовь для русского менталитета является неким объединяющим принципом, находящимся в статусе сакрального, жить в любви для него, значит жить в Боге.

Русский Эрос не есть, по мнению В. Шестакова прославление чувственности и наслаждения. В своей работе «Эрос и культура: философия любви и европейского искусства»¹ автор утверждает, что у любви трагическая природа, это мука и страдание. В чувственной, плотской любви заключен корень всех бед. Существует тесная связь любви с жертвенностью.

Любовь является одной из главных тем русской культуры серебряного века. В России была попытка объединения философского, религиозного, психологического и эстетического аспектов любви.

Любовь в русской языковой реальности обозначает привязанность, сердечную склонность и внутренне стремление к чему-либо.

Русская религиозная философия является философией сердца, основанной на принципах любви и всеединства. Это, прежде всего, средство божественного мирозерцания и миропонимания, как отмечал М.Н. Громов: «Сердце как орган мысли и любовь как сокровенный путь постижения истины имеют мирообъемлющее значение»².

Согласно работе Ю.Ф. Ханнановой «Гносеологический аспект в понимании любви у византийских мыслителей»³, в русской философии гносеологическое значение любви характеризуется тем, что без нее невозможно

¹ Шестаков В. Эрос и культура: философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. 464 с.

² Громов М.Н. Кардиогносия в традициях отечественной философии / Громов М.Н., Милько В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001. С. 100–101.

³ Ханнанова Ю.Ф. Гносеологический аспект в понимании любви у византийских мыслителей. URL: <http://virlib.eunnet.net/sofia/06-2003/text/0615.html> (дата обращения: 01.12.2010).

высшее познание. Любовь возвышает человека до вершин богопознания. Познание Бога возможно только через любовь. Сердце является познавательной силой, рассуждать душа может лишь посредством сердца.

Следовательно, при помощи открытого сердца, через любовь, человек может прийти к познанию бога. Познание Бога есть его дар человеку, акт любви Бога. Таким образом, формулируем следующее: гносеологическая категория любви в русской философской традиции была тесно связана с принципом божественного откровения в гносеологии, согласно которому высшая истина находится у Бога и постичь ее возможно только через слияние с божественной сущностью.

Любовь позволяла человеку переместиться в трансцендентальную сферу бытия Бога, соединиться с ним и, тем самым, познать высшую истину.

Именно в любви возможно обретение настоящего счастья, сама же любовь находится в вечности, представляя собой сродство натур. Человек любит того, кого он рожден любить. Любовь есть бессмертное единство. Любовь – вечное и возвышенное.

Рассматривая любовь с точки зрения методологической категории философии, можно определить ее в качестве основополагающего фактора жизни и поведения индивидов, задающего конкретные рамки его деятельности.

Вектор бытия конкретного человек может быть определен особенностями его отношения к любви, а также ее отдельных проявлений.

Жертвенность, страдание, сострадание, жалость, милосердие, единение – основополагающие ментальные категории любви в русской религиозной философии. Любовь нельзя рассматривать в качестве полового акта между мужчиной и женщиной, это другая, более возвышенная категория, относящаяся, прежде всего, к сфере духовной, а не телесной жизни индивида. Любовь связывается с религией, с системой нравственных ценностей.

Через любовь индивид совершает акт самореализации, обретая свою истинную родовую сущность. Любовь как метод человеческого бытия, а значит духовной, гуманной и моральной организации жизни в рамках русской

культуры, показывает высокую степень нравственности русского общества, а также его направленность к высшему благу, идущему от Бога.

Любовь – есть высшая ценность в русской культуре, выраженная посредством концепта русской языковой реальности. Это особая истина, относительно которой система миропроговаривание - миропонимание придает бытию индивида аксиологическую направленность.

В отличие от западной парадигмы мышления, где половая или эротическая любовь стоит во главе самого понятия любви, в русской религиозной философии господствует понимание любви, прежде всего, как жертвенной любви, божественной и возвышенной, связанной с духовными качествами индивида. Любовь – это нечто непонятное, трансцендентное, мистическое, не подчиняющееся логике объективного развития.

Изначально, половую любовь в России вообще не относили к любви. Для западной культуры характерно господство теории сексуальности и эротизма, представленной в работах таких выдающихся мыслителей, как З. Фрейд, Э. Фромм, Ж. П. Сартр и др., связывающих любовь, прежде всего, с системой внутриволовых отношений, имеющей гендерную направленность.

Для русской религиозной философии было характерно понимание любви как чего-то сакрального, возвышенного, объединяющего людей на духовном уровне. Любовь, согласно русскому миропониманию – это высшая трансценденция, заключенная в Боге. Через любовь происходит преодоление эгоизма.

Любовь в русской религиозной философии представлена в виде особого явления, не имеющего природной основы, связанной с размножением и продолжением рода, а божественного, полученного в дар от Бога. Это священное чувство, а не проявление животного инстинкта. Для русской религиозной философии любовь означает некое очищение на духовном уровне, так называемый катарсис.

Язык играет важную роль в постижении любви, таким образом можно отметить, что любовь и языковая сфера находятся в тесной взаимосвязи и

взаимозависимости. Язык выражает сущностные характеристики любви, как явления, выходящего за рамки повседневного понимания индивида. Феномен любви имеет связь не только с языковым пространством, но также и с сознанием и мышлением через миропроговаривание - миропонимание.

Возникновение представлений о любви базируется на сформированном в рамках языковой системы языковом сознании индивидов и прямо пропорционально развитию и становлению мышления. Любовь, как абстрактное понятие, возникает только тогда, когда формируется абстрактное мышление индивида, его способность строить сложные умозаключения и выводы, а, следовательно, целиком и полностью связано с возникновением языка и его дальнейшим превращением из средства невербального общения в сложную вербализованную систему. Любовь существует в единственной реальности, которой является реальность ее вербального выражения.

Любовь – ключевой концепт русской языковой реальности, входящий в ментальный мир человека, она подчинена законам русской культуры, имеет тесную связь с сердцем, эмоциями. Поэтому, затрагивая вопрос о месте и роли любви в концептосфере русской языковой реальности, следует учитывать ментальные и культурные характеристики русского народа, врожденную склонность русского языка к священнодействию, а также склонность русского народа к сакрализации всех сторон общественной жизни, заложенную во времена древнерусской культуры.

Концепт «любовь» имеет точки пересечения с концептами «дружба», «верность», «симпатия».

На связь любви с сакральным, возвышенным началом указывает ряд русских пословиц и поговорок, например: «Где любовь, тут и Бог», «Нет ценности супротив любви», «Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается».

Большой вклад в исследовании концепта любви внесли ряд русских лингвистов. Так, например, И. А. Ивановой в работе «Концепт любовь и его

концептосфера в истории русского языка»¹ дается следующее толкование данного концепта и его места и роли в древнерусской культуре и культуре современной России. В концептосфере русской языковой реальности, согласно И. А. Ивановой, любовь занимает одно из центральных положений.

В старославянском языке любовь представляла значимое явление, обозначая любовь к богу или истинную любовь и любовь ложную, порочную. Для старославянского сознания любовь представляла некую сакральную сущность, являясь и эстетической ценностью.

Истинная любовь понималась в качестве источника высокой духовной любви, соединяющей человека с Богом. Именно посредством любви человек приобретал божественные качества в своем извечном стремлении походить на Бога.

Долгое время в языковом сознании плотская любовь была связана со страстью, не находя одобрения, воспринималась в качестве порока. Изначально мир человеческих отношений осмысливался с позиций веры, а сама древнерусская культура выступала в качестве так называемой «культуры-веры». Концепт «любовь» в древнерусской культуре и языковом сознании был связан с такими христианскими понятиями, как вера и надежда.

В современном языковом пространстве, согласно И. А. Ивановой, происходит частичное утрачивание религиозного смысла данного концепта, а антропоцентризм предстает в качестве одной из основных характеристик любви.

Современное языковое сознание направлено в сторону межличностных отношений. Любовь рассматривается в качестве дружеского отношения, некой доброжелательности.

Любовь также рассматривается как особая процессуальная категория, где на первый план выходят желание, склонность и увлечение. Любовь получает распространение не только на людей, но и на мир природы, например

¹ Иванова И.А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка. URL: <http://www.avtoref.mgou.ru/ar/ar32.pdf> (дата обращения: 14.02.2010).

светолюбивое растение. Частично сохранилась духовно-христианская установка любви, поскольку она еще апеллирует к этическим смыслам.

Для каждой культуры характерно наличие определенных ключевых слов, любовь является одним из центральных концептов в русской языковой картине мира, пересекаясь с такими концептами, как вера, надежда, являясь константой культуры.

Концепт любви представляет особую ментальную сущность русского народа, в нем заложена ценность всей русской культуры, он ориентирован, прежде всего, на духовность и субъективность.

Особенность концепта любовь заключена в том, что любовь, будучи субъективной формой духовного переживания, в России носит гораздо более объемлющий характер, распространяясь в рамках социума и перемещая свой вектор направленности от субъективного ко всеобщему.

С.Г. Воркачев приводит собственную концепцию понимания концепта любви в русском языковом сознании в работе «Концепт любви в русском языковом сознании»¹ отмечая, что в данном концепте отражены все базовые ценности русского народа, а главной особенностью русского менталитета является его особого рода духовность.

Любовь, согласно С. Г. Воркачеву, тождественна сфере аксиологически – ценностных эмоций, противостоит в русскоязычном сознании таким понятиям, как ненависть и безразличие. Отличительной чертой концепта любовь в русской языковой реальности, по мнению С. Г. Воркачева, является наличие множества знаковых средств его материализации.

В русском языке отмечается признак положительности ценности любви, ее понимания в качестве высшего блага социума, она не зависит от воли, преобразуя человека.

Также, согласно С.Г. Воркачеву, в русской языковой картине мира существует противоречивое восприятие любви, поскольку она одновременно

¹ Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003. Современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189–208.

может выступать в качестве высшего блага и наслаждения и в то же время вызывать страдание. Существует тесная связь концепта любви с милосердием, жертвенностью, доверием, преданностью. Для русского человека любовь означает поиск недостающей половины, некое взаимодополнение.

С. В. Пижик в своей работе «Концепт «любовь/love» в русской и английской языковых картинах мира»¹ отмечает следующие характеристики любви, как концепта русской языковой картины мира. Любовь является, по своей сути, философским мировоззренческим концептом, для которого характерна собственная культурно-мифологическая парадигма, а также определенная ассоциация с отсутствием контроля над эмоциями.

Следовательно, концепт «любовь» представляет сложное мировоззренческое образование ментального характера, имеющее высокую степень абстракции и языковое выражение, для него характерна этнокультурная специфика.

В русской религиозной философии любовь предстает в качестве одного из самых главных явлений жизни людей. Для нее характерна высокая степень религиозности, приверженности к возвышенному духовному идеалу. Она рассматривается в качестве высшего блага с точки зрения общей аксиологии. Согласно русскому менталитету, любовь связана со страданием и разлукой.

В данном концепте, согласно взглядам С.В. Пижики, отражены базовые ценности и экзистенциальные блага, выражающие особые убеждения и принципы. Концепт любви в сознании члена русской языковой общности тесно связан с формированием понятия смысла жизни.

С концептом любовь имеет связь пять семантических параллелей в осмыслении любви – Бог, семья, свобода, страсть и смерть.

Языковая форма концепта любовь складывается из трех основных компонентов: взаимного подobia двух людей, установления подobia действием и осуществления действия по круговой модели.

¹ Пижик С.В. Концепт «любовь/love» в русской и английской языковых картинах мира. URL: http://www.bdpu.org/scientific_published/apif_4_2009/pizhik.pdf (дата обращения: 12.01.2010).

Таким образом, опираясь на данные исследования, можно сделать вывод, что любви в русском языковом сознании всегда придавался статус духовного явления, главного блага, без которого невозможно существование индивида. Она является смыслообразующим фактором человеческого бытия, выдвигаясь на первый план среди базовых ценностей русского менталитета и культуры. Этот синкретизм этического и божественного есть, прежде всего, духовное явление.

В русской культуре любовь не имеет гедонистических смыслов, не является предметом наслаждения или чем-то эгоистическим. Изначальная связь с Божественной сущностью и сакрализация любви придают ей статус некоего священного таинства, связанного с жертвенностью и страданием, вместе с тем, возвышающим человека.

Любовь не рассматривается также как нечто плотское и земное, это, прежде всего, явление духовного порядка, связанное не с телесностью человека, а с его духовными качествами. Полная реализация человека возможна только в процессе любви, его соединения со своей второй половиной.

В русском языковом сознании любовь задает способ бытия, определяя смысл и цель жизни индивида. Подчеркивается ее значимость, как одного из самых главных явлений. Согласно русскому менталитету, к любви должен стремиться каждый человек, поскольку именно через любовь индивид может выразить свое духовность и самореализоваться как личность.

Любовь является созданной категорией духовного порядка, включенной в сферу субъективного переживания. Каждым индивидом она переживается по-разному, но в рамках языкового сознания конкретной языковой общности имеет общие ментальные черты и особенности.

Для русского языкового сознания, в отличие от западного типа мышления, характерна сакрализация любви, ее возвышение от плотского влечения до божественного, всеобъединяющего начала, характеризующего духовный подъем и саморазвитие человеческой личности.

Границы любви заданы символами и вербальными средствами русской языковой реальности. Если рассматривать феномен любви с точки зрения дара, полученного от Бога, то средства ее выражения, используемые русской языковой реальностью, также будут иметь трансцендентальную природу, либо быть данными языковому коллективу априори.

Концепт любви в России есть кодификация божественной трансценденции в слове, выступающем в качестве онтологической, гносеологической и методологической категории всей русской философии. Любовь дана человеку от Бога. Сама природа любви остается до конца непознанной и неизученной, направленной по ту сторону осмысляемой индивидом реальности.

Особенностью русского культурного сознания является стремление все мерить через оппозицию любовь – нелюбовь. Быть русским по культуре, значит сакрализовать любить, и мерить мир концептом любовь – нелюбовь. Это включает в себя отношение к миру, Богу, другим людям.

Концепт «любовь» определяется в качестве главной ценности в русской языковой реальности. Через проговаривание данного концепта в рамках русской религиозной философии осуществлялось миропонимание, основанное на принципах духовности и православной нравственности.

В России любовь исторически направлена на разные объекты: на Бога, царя, Родину, бренд, являясь средством их постижения и сакрализации, поскольку изначально выступает в качестве гносеологической категории.

§ 3. Расчистка культурного сознания в языковом мире русского коммунизма

Система миропроговаривание - миропонимание является объяснительным концептом для описания мировоззренческих установок конкретной языковой общности – этноса, класса, поколения, характерных для определенной исторической эпохи. Посредством набора концептов, входящих в состав языковой реальности, осуществляется узнавание мировоззрения в национальном контексте. Миропонимание напрямую зависит от суммы концептов языковой реальности. Оно может как расширяться, так и, наоборот, сужаться, упрощаться. Вторжение в пространство русской языковой реальности иноязычных концептов может приводить к упрощению мировоззренческой парадигмы, изменять культурную обстановку и культурное сознание индивидов, что происходило, например, в эпоху социалистических преобразований в России.

Социалистическую революцию в России по праву можно отнести к одному из наиболее знаковых и значимых явлений. Затронувшая все отрасли бытия социума, она ознаменовала собой новый виток, новое направление в культурной жизни общества.

Культурная трансформация, имевшая место быть в эпоху социалистических преобразований, наложила глубокий отпечаток на сознание и мировосприятия российских людей, а отголоски советской эпохи и по сей день проявляются в различных областях современной культуры.

В данном параграфе анализируется расчистка культурного сознания, изменений в мировоззрении, связанных с внедрением новых слов в пространство русской языковой реальности. Также внимание будет уделено различного рода советизмам, рассматриваемым с точки зрения ключевых концептов данной эпохи, их сакрализации.

Русский коммунизм основывался на диктатуре миросозерцания, являясь ортодоксальной доктриной, обязательной для всего народа. Н. Бердяев

трактовал русский коммунизм как крайнюю форму этатизма, для которого была характерна автократия. Русский коммунизм в качестве своих корней имел верования народа и новые верования рабоче-крестьянских масс.

Вся идеология русского коммунизма, согласно взглядам Н. Бердяева, изложенным в его книге «Истоки и смысл русского коммунизма»¹, была основана на ортодоксальной миросозерцании, она требовала в принудительной форме полного согласия с ней, характеризуя себя в качестве священного царства. Свобода здесь понималась не в качестве свободы выбора, а как средство активного изменения жизни.

Н. Бердяев, определяя общую проблематику советской идеологии с точки зрения позиций ортодоксального марксизма, выделял в качестве его существенной черты экономику. Согласно Н. Бердяеву, именно экономике принадлежит ведущая роль в жизни общества, которую она всецело определяет, от нее зависит идеология и духовная культура социума, религия, мораль и философия.

Н. Бердяев наделял коммунистическую идеологию мифическими качествами, подчеркивая сам факт того, что предшествующий и исчерпавший себя миф о народе был заменен мифом о пролетариях, об их миссии. Слово «большевизм» также со временем приобрело символический смысл, начиная ассоциироваться с великой, могучей и непобедимой силой. Таким образом, осуществлялась сакрализация коммунизма как явления Советской эпохи.

Все, что оставалось индивиду, существовавшему в условиях подобного диктата, это действовать в соответствии с указанными ему нормами и предписаниями. Отсутствие сознательного выбора между выполняемыми действиями должно было компенсироваться навязанными сверху правилами и стереотипами поведения, которые основывались, прежде всего, на его активной деятельности, направленной на внешние изменения и преобразования общественного уклада.

¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К, 1997. 324 с.

Данный диктат включал в себя целую систему эффективных методов управления общественными массами, одной из которых стала советская модель воспитания "новая школа не ставит перед собой задачу воспитания всесторонне развитой личности ученика, ее задача - политехнически воспитанный подросток. Ребенка следует учить именно труду, нетрудовые, т.е. неприменимые в процессе труда знания мертвы"¹ - заключал П. Л. Зайцев, анализируя работы В.И. Ленина, Н.К. Крупской, А.С. Макаренко о воспитании.

Связанным с воспитанием "нового" человека для нового общества орудием формирования такого человека стала языковая реальность. Эпоха социалистической революции характеризовалась изменениями в структуре русской языковой реальности.

В работе П.А. Сорокина «Социология революции»² проводится анализ изменений, которые затронули сознание русского человека в период до и после революции. Так, например, П.А. Сорокин отмечает факт деформации речевых рефлексов, выделяя две стадии: во время революционных преобразований и после.

Для первой стадии характерны развязывание языка, свобода слова и печати, при которых происходила критика и поношение святынь, появление множества новых терминов для обозначения новых переживаний. Эта стадия знаменовалась свободой речевых рефлексов.

П. А. Сорокин связывал данную ситуацию с деформацией психики индивида в целом, с зомбированием массового сознания, при котором толпа превращалась в стадо, повинуюсь низменным инстинктам.

Для второй стадии был характерен запрет на свободу слова, если имелись какие-либо противоречия с господствующей идеологией. На данном этапе происходило торможение речевых рефлексов.

¹ Зайцев П. Л. Инициация: религиозные и культурно-философские контексты : Учебное пособие. Омск: Изд-во "Амфора", 2011. С. 198.

² Сорокин П. А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 701 с.

В.В. Виноградов в книге «Избранные труды. История русского литературного языка»¹ занимался анализом изменений в русском языке. Согласно В.В. Виноградову, произошли значительные метаморфозы в экспрессивной окраске слов, относящихся к дореволюционному времени. Создание единой советской культуры нашло отражение в языковой реальности, и было связано с изменениями семантической системы.

В широкое употребление вошли основные понятия марксизма, лозунги и афоризмы. Новая социалистическая культура осуществляла трансформацию языковой структуры, на социалистических началах, происходила идеологическая перестройка национального русского языка.

Русский язык, в свою очередь, осуществлял обратное воздействие на культурное сознание нации, формируя системы устойчивых мировоззренческих ориентаций и установок в узкой плоскости марксистской теории, где все смыслы и ценности базировались, прежде всего, вокруг идей труда, коммунизма, борьбы рабочего класса.

Новой чертой языка, согласно В.В. Виноградову, являлись элементы культурного объединения и развития. Для русской языковой реальности было характерно усваивание новых слов и оборотов. Распространение материалистических и атеистических идей поддерживало ироничное применение церковнославянской лексики.

Происходило зарождение слов с эмоциональными суффиксами, которые имели целью заклеить те или иные отрицательные явления дореволюционной эпохи. Укреплялись новые типы словообразований, например, тип сокращенных слов.

Одновременно с культурным подъемом страны в русской языковой реальности происходил рост интернациональной лексики. Вопросы производства, в условиях социального строительства перестали носить узкотехнический характер, приобретая общественное значение. Происходило развитие общественно-политической терминологии. Политические термины

¹ Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 320 с.

выражали новые явления общественной жизни, старые получали новое идейное содержание.

Возникли предпосылки для всеобщности национального языка как национальной формы социальной культуры. На первый план выступили объединительные тенденции, происходила общенациональная концентрация русского языка. Главной особенностью эпохи коммунизма, по мнению В.В. Виноградова, являлась борьба за чистоту и точность языка, как орудия культуры. Язык выступал в качестве очага международных языковых влияний.

Следовательно, язык выступал не только в качестве компонента, формирующего общественное бытие, мировоззрение, сознание и культуру, но также и в виде объединяющего и интегрирующего фактора. Русская языковая реальность должна была из области национального языкового явления трансформироваться до уровня явления общенациональной значимости, тем самым, приобрести значение для наиболее обширной аудитории.

Данная языковая трансформация обеспечивала воздействие на мировоззренческие установки не только в узких рамках одной этносоциальной общности, она позволяла осуществлять данное воздействие на международном уровне. Таким образом, число вовлеченных языковых общностей в сферу русского языкового пространства увеличивалось.

Русская языковая реальность для данных языковых общностей являлась объединяющим фактором, позволяющим сформировать устойчивую систему мировоззренческих установок, общую для них культуру, систему ценностей.

Согласно работе А. Дугина «Философия политики» главной особенностью языкового феномена русского коммунизма являлся факт того, что коммунизм отвергал буржуазно-капиталистическую либеральную рациональность. Для него был неприемлем сам язык капитала. Коммунизм использовал и заимствовал некоторые его элементы, строя собственную модель языка, которая основывалась, прежде всего, на радикальной оппозиции базовым установкам либерализма.

А. Дугин отмечал, что марксизм «в своей парадигме, в своих «мифологических» и «эсхатологических» интенциях (намерениях), в своей «структуре» он, напротив, отражает устойчивый сценарий определенного мирозерцания (борьбы двух начал, победы добра над злом, героизма, построения «волшебного мира» и т.д.), которое глубоко укоренено в человеческой психологии, культуре, в бессознательном, но выражено при этом на языке экономико-политических обобщений»¹.

По мнению А. Дугина, коммунизм, являясь наиболее радикальным дискурсом в рамках языка современности, обращался к совершенно другим языковым парадигмам.

Итак, в рамках коммунистической модели мышления происходило преодоление либеральной идеологии, что привело к полному нигилизму, в рамках которого любой артикулированный язык растворялся в молчании и пустоте. Коммунизм занимался формальным использованием языка современности, который накладывался на архаические пласты политического бессознательного.

Следовательно, в рамках советской идеологии имела место быть полная трансформация языковой реальности, то есть подмена одной языковой парадигмы на другую, основанную на принципах коммунистической идеологии, находящейся в оппозиции к существующим установкам. Новая языковая система была основана, прежде всего, на политических элементах.

Сфера культуры, политики, экономики, любые отрасли общественного бытия социума подчинялись идеям и целям советской эпохи. Тоталитарная идеология пронизывала все сферы, тем самым, обеспечивая эффективное воздействие на сознание языковой общности. Политика конструировала культурное сознание, ежесекундно внедряя свои принципы. Советская идеология исключала какое бы то ни было абстрагирование, любая деятельность индивида так или иначе связывалась с ее составными элементами.

¹ Дугин А. Философия политики. М.: Аркогея, 2004. С. 322.

Власть выступала в качестве «говорящего», а русская языковая реальность характеризовалась непостоянством и зависимостью от речи, стоящих у власти.

В словарь коммунистической эпохи входила группа лексических новообразований, выступающих в качестве стилистических советизмов, являющихся средством передач идеологических мифологем. Советизмы являлись искусственно созданным образованием и внедрялись в сознание индивидов посредством публицистики, например через различные фольклорные формы: революционные песни рабочих, революционные стихи.

Происходила своеобразная интеграция советизмов в языковое мышление советских людей. Менялась картина мира, коммунизм приобретал доминирующее положение в языковой картине мира.

Таким образом, мы можем обозначить советизм в качестве вербального знака советской культуры, представлявшего собой различного рода идеологемы и прецедентные тексты, использующиеся в жаргонах и просторечии. Л. В. Балашова в своей работе «Роль советизмов в языковой картине мира (на материале сленговых метафор конца XX – начала XXI века)»¹ отмечала, что советизмы стали частью языкового сознания индивидов и даже после распада СССР продолжают оказывать влияние на языковую ситуацию в стране.

Идеологема представляет собой один из символов советского социализма, некий пафосный газетный штамп, определенную ситуацию, при которой метафорическое характеризовало физиологическую и бытовую стороны человеческого бытия.

Советизмы, согласно Л.В. Балашовой, прежде всего, характеризуют явления, связанные с марксистско-ленинской философией и идеологической пропагандой в СССР. К советизмам относятся основные понятия теории коммунизма, такие, как, марксист, гегемон, аграрный вопрос, а также имена создателей теории и представителей революционного движения – Ленин,

¹ Балашова Л.В. Роль советизмов в языковой картине мира (на материале сленговых метафор конца XX – начала XXI века) // Советская культура в современном социопространстве России: трансформации и перспективы. Материалы научной интернет конференции. Екатеринбург: б. и., 2008. С. 116–119.

Сталин, различного рода идеологические символы - святыни: красный флаг, вечный огонь.

Следовательно, на основании рассмотренных точек зрения к проблеме русской языковой реальности в эпоху русского коммунизма под советизмом нужно понимать идеологический концепт, действующий внутри конкретной языковой реальности и включенный в языковую картину мира. Посредством данного концепта осуществлялся процесс миропроговаривания - миропонимания советской эпохи, сакрализация ее явлений.

Советизмы, являясь, своего рода, словами-тиранами, обеспечивали связь власти с массовым сознанием, а также служили основным средством укрепления и поддержания данной социальной системы.

Употреблялась лексика, составляющая фундамент советской идеологии, отражающая общественную договоренность о смысле слов. Н.А. Купина отмечала, что активизация ключевых концептов советской языковой картины мира была связана со стремлением к их осмыслению.

Новый язык периода советской идеологии порождал новую языковую общность, являясь объединяющим фактором для данной общности во времена кризисов.

Именно советские люди, согласно Н. А. Купиной, являлись данной общностью, способной к организации, а язык советской идеологии являлся ее культурным ядром, неся ценности и смыслы, и, в первую очередь, ценности труда, творчества и солидарности. Н.А. Купина в своей работе «Советизмы: к определению понятия»¹ анализирует тот факт, что при помощи языковой реальности устанавливались такие свойства советской нации, как духовная сила и негибкость.

Советизмы включали слова и выражения, связанные с организацией власти Советов и эпохи диктатуры пролетариата, определенную лексику сопротивления, обозначающую нечто, что существует вопреки принципу

¹ Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. Вып. 2 (28). Екатеринбург, 2009. С. 35–40.

идейности. Н. А. Купина подчеркивала, что советизм всегда прямо или косвенно отражает некие характерологические свойства советского периода, которые являли собой определенный тип социалистического мировоззрения.

Согласно взглядам И.П. Решиковой, изложенным в работе «Коммунизм между временем и пространством»¹ происходило мифологизирование различного рода коммунистических концепций, представлявших собой народный вариант коммунизма. При помощи лексики, обозначающей свет, создавались архетипические образы коммунизма. П. Л. Зайцев отмечает: "Изображения Сталина в красном (переднем) углу заменяли иконы. Первое, что должен был видеть входящий в советское учреждение, - изображение и бюсты вождя. Сталин являлся святыней..."²

Анализируя языковое сознание эпохи русского коммунизма, можно сделать следующее заключение: советизмы составляли языковой каркас советской эпохи, на основе которого формировались языковая картина мира и мировоззрение индивидов через миропроговаривание - миропонимание. Ключевыми концептами данного языкового каркаса являлись основные концепты, касающиеся идей марксизма, а также различные метафоры и символы русской языковой реальности, первоначальное значение которых заменялось новым идеологическим значением.

На базе языкового каркаса эпохи русского коммунизма сформировался целый культурный пласт, включавший в себя идеологические ценности и установки советской власти. Концепты, входившие в состав данного языкового каркаса, осуществляли воздействие на миропонимание, формируя особое восприятие окружающей действительности.

Концепты русской языковой реальности получали иное толкование, рассматриваясь в идеологическом ключе. Изначальные значения слов заменялись новыми, отражающими основные принципы данной идеологической системы.

¹ Решикова И. П. Коммунизм: между временем и пространством. Хора. 2008. № 3. С. 113–126.

² Зайцев П. Л. "Письмо товарищу Сталину" как исповедальная форма самосознания советской интеллигенции // Омский научный вестник № 3 (139) 2015. С. 59.

В рамках советской языковой культуры возникали черты советской языковой личности, которая могла являться как русской, так и русскоязычной. А.А. Ворожбитова в своей работе «Официальный советский язык периода великой отечественной войны: лингвотеоретическая интерпретация»¹ отмечает, что советский человек в качестве языковой личности представлял собой советскую языковую личность.

Согласно А.А. Ворожбитовой, весь советский народ образует совокупную языковую личность советского этносоциума, строя, при помощи вербальных средств языковой реальности новый ментальный мир.

К основным чертам советской языковой личности относится ряд особенностей. Так, например, языковая ситуация советского времени определялась в качестве так называемой идеологической диглоссии или тотального билингвизма. Советские люди определялись в данной ситуации в качестве двуязычных.

Советская языковая личность рассматривалась с точки зрения ее вербально-семантического уровня. За основу брались представления совокупной языковой личности этносоциума, которые функционировали в рамках советской мифологии. В пропагандистских целях намеренно деформировалась картина мира языковой личности. Любые точки зрения и высказывания проходили через так называемый фильтр советского языкового дискурса как принудительного ментального мира.

Советская языковая личность в данной ситуации оказывалась погруженной как бы в два ментальных пространства, существуя в условиях двух языковых картин мира – мифологической, навязанной советской идеологией, и реальной.

Согласно А.А. Ворожбитовой, существовала абсолютизация всего советского официоза, проявляющаяся в запрете на правдивое слово. Правда

¹ Ворожбитова А.А. Официальный советский язык периода великой отечественной войны: лингвотеоретическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 21–42.

жизни попиралась правдой теории марксизма, когда над человеком господствует идеократия, а над действительностью – миф.

Среди современных исследований, рассматривающих проблематику идеологических моделей в пространстве русской языковой реальности, следует отметить М. Эпштейна. Так, в работе «Слово и молчание русской культуры»¹ М. Эпштейн отмечал, что так называемая «меткость» русского языка, его способность к прикреплению кличек стала орудием Советской идеологии, представляющей систему «метких слов» или наклепанных кличек. Имена собственные первоначально были кличками, а единица идеологического лексикона была сродни кличке.

Идеология, согласно М. Эпштейну, являлась своеобразным языком заклятий и проклятий, некой словесной ворожкой, преображающей окружающий мир и превращающей его в фикцию. Слова для большевиков всегда имели сверхъестественную, магическую силу. Советская идеология использовала свойство русского языка особым образом заговаривать предмет и приклеивать к нему кличку, а также повторением придавать ей видимость бытия, превратив слова в мантры.

Следовательно, советская идеология несла некий агрессивный элемент в рамках своего идеологического натиска на культурное сознание индивидов, трансформируя и меняя его, согласно своим целям и задачам. Языковая картина мира, существующая в рамках коммунистической идеологии, являла собой не что иное, как тщательно разработанную, реализованную и внедренную в сознание советского человека мифологическую модель идеального устройства общества, характеризующего временной отрезок будущего.

Использование достаточно широкого спектра архетипических символов и преобладание общего уровня символности, атака на сознание индивидов, прежде всего, с помощью семантических средств, превратили русскую языковую реальность в мощный инструмент всей советской идеологии. Советская идеология на базе русской языковой реальности создала

¹ Эпштейн М. Слово и молчание русской культуры // Звезда. 2005. № 10. С. 202–222.

собственную языковую картину мира, пытаюсь поставить ее на место уже существующей языковой картины мира, тем самым, порождая некую сдвоенность в миропонимании.

При помощи языка советская власть осуществляла культурную расчистку сознания народа, в той или иной степени навязывая ему определенные образцы видения мира, стереотипы поведения, культурные взгляды и привычки. Культура эпохи советской власти представляет собой совершенно иной тип миропроговаривания и миропонимания русской нации.

На фоне общих культурных, экономических, социальных и политических преобразований происходило формирование новой языковой картины мира, в корне отличающейся от предыдущей. Новая языковая картина мира имела в качестве своей главной цели и задачи не отражение объективно существующей действительности, а навязывание мифологического образа светлого будущего и сакрализацию коммунизма.

Языковой мир русского коммунизма включал в себя огромное количество слов с яркой эмоциональной окраской, различного рода аббревиатур и лозунгов. Слова, по сути, имели в качестве своего главного предназначения, продвижение теории марксизма в широкие народные массы. Русская языковая реальность на долгие годы превратилась в главное орудие советской идеологии, при помощи которого происходило постоянное воздействие на сознание и психику индивидов.

При помощи языковых средств осуществлялось грубое вмешательство в мировосприятие и миропонимание индивидов, приводящее к полной трансформации его мировоззренческих установок. Слова создавали реальность, доминируя над ней. Культурная среда и все языковое пространство подчинялись общим законам политического режима, а, следовательно, и мировоззрение языкового коллектива начинало отражать специфические черты и особенности советской идеологии. Коммунизм выступал в качестве символа рая на земле.

Языковое сообщество представляло собой сообщество советских людей, имеющих в качестве главных жизненных ценностей и ориентиров концепты и символы советской власти, базирующиеся на революционных идеях, труде и вере в непобедимую силу и мощь коммунизма. Идеалы коммунизма закрывали подлинную реальность, становясь по отношению к ней чем-то первостепенным.

Тоталитарность и непримиримость с любой формой свободомыслия характеризовали данную эпоху. Постоянное стремление довлеть над всеми сферами общественной жизни привело в итоге к полной потере индивидуализма, а также к исчезновению плюрализма различных мнений и точек зрения.

Имевшая своей изначальной задачей прославление бога, русская языковая реальность в какой-то степени сакрализовала идеи и теории советской идеологии. Возможно проведение параллели между идеологией и религией, так как в основе идеологии также лежала вера в светлые идеалы коммунизма, а сам коммунизм возможно отнести к символическому явлению.

Нельзя не отметить в определенной степени плоскости сферы культуры. Важной особенностью таких советизмов, как: СССР, РОНО, ОСВОД, ПРОДРАЗВЕРСТКА являлось слияние различных слов в одно, что приводило к появлению новых смыслов языковой реальности, а, следовательно, приводило к тому, что трансформировалось и миропонимание. Данный феномен слияния слов можно отнести к одной из основных черт эпохи модерна.

Русская языковая реальность постепенно превращалась из великого и могучего языка, созданного для прославления и поэтизации отдельных явлений действительного мира в обычный инструмент манипулирования, тотального контроля и продвижения идей в массы, опускаясь до уровня обыденного. Отдельные сферы жизни людей примитивизировались.

Концепт коммунизма, являясь, по сути, самобытийствующим явлением, существующим в узких рамках языкового пространства, определял тип мировоззрения и миропонимания советской языковой общности. Концепты данной эпохи определяли не только особое видение мира, но также и

отношение к определенным явлениям действительного бытия, они уже сами по себе являлись действенными обозначениями того, что «хорошо» или «плохо» для советского человека, побуждая его к действиям определенного рода.

Для языковой реальности советской идеологии, согласно взглядам Тер-Минасовой, изложенным в книге «Язык и межкультурная коммуникация»¹ были характерны патриотизм, открытая пропаганда достижений, пропаганда своей принадлежности к советскому союзу, культ святынь и символов, касающихся данной идеологии. В СССР советская символика, например, серп и молот, была широко распространена в повседневной жизни. Перед советскими руководителями стояла задача в короткие сроки превратить необразованную народную массу в культурное общество, которое способно бы было удержать данную власть.

Были нужны простые методы пропаганды – лозунги, клише, поскольку использование устойчивых фраз и лозунгов для общения с простым народом считалось самым эффективным. Данные лозунги и клише внушали советскую систему ценностей, именно по данным клише осуществлялось построение жизни и будущего советских людей.

С. Г. Кара-Мурза утверждал, что при помощи языка осуществляется манипулирование сознанием людей, эти идеи он изложил в своем труде «Манипуляция сознанием»². Человек живет в искусственном мире – логосфере, включающей в себя язык и все формы вербального общения. Язык является некой системой понятий, при помощи которых человек может воспринимать мир и общество, что и является главным средством подчинения.

С.Г. Кара-Мурза считал, что в противоположность идеологии фашизма, в русском коммунизме не было обращения к подсознанию, а вся его риторика основывалась на логике и обращении к здравому смыслу. Слова вождя являлись словами не соблазнителя, а учителя и командира. Язык советской идеологии устранял так называемые «идолы театра».

¹ Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

² Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt> (дата обращения: 10.06.2011).

Итак, клещированность, характерная для языкового поля русского коммунизма, определяла миропонимание советского человека в течение длительного исторического периода. Стремление тоталитарного контроля над сознанием широких масс, активное навязывание ей советской идеологии и системы ценностей посредством языковых средств, призванных сформировать новый культурный пласт, в действительности же привело к упадку и обеднению духовной культуры. Происходила ситуация, при которой язык и культура опускались до уровня необразованных народных масс, упрощаясь.

Разрушался духовно-религиозный мир русского народа, что приводило в определенной степени к духовному оскудению какой-то части общества. Реальность разделилась на «буржуазную» и «социалистическую», а единственно возможной реальностью стала считаться «социалистическая». В обществе утратилась идея первородной свободы, идущей от бога, поскольку бога отвергли. Любовь к богу заменилась любовью к советской родине, партии, перестав быть чем-то сакральным, трансцендентным, неким таинством. Служили не богу, а советской родине, партии, в определенный период времени - Сталину. "Культ личности Сталина подразумевал его культивирование его образа в повседневных практиках, подразумевал культового Сталина... Культового Сталина можно было просить о дарах, о благе, о возмездии и воздаянии"¹.

Под счастьем понимали труд, преданы были общему делу.

Наряду с этим значение высших нравственных идеалов переместилось из области возвышенного, сакрального, духовного, в область идейного.

Простота явилась отличительной чертой языка советской идеологии, поскольку предназначена она была изначально для людей необразованных и неграмотных, следовательно, тот уровень общедоступности, который должны были выражать ее языковые конструкции, был задан в качестве определяющих целей и задач культурной расчистки сознания рабоче-крестьянских масс.

¹ Зайцев П. Л. "Письмо товарищу Сталину" как исповедальная форма самосознания советской интеллигенции // Омский научный вестник № 3 (139) 2015. С. 59-60.

Для нее была характерна тенденция к упрощению сфер жизни, некая примитивизированность. Языковые коды советской идеологии, это, прежде всего, система лозунгов, клише и аббревиатур, ориентированных на массовую аудиторию, имевших в качестве своих основополагающих задач закрепление в сознании советских людей. Отсюда вытекают их высокая степень эмоциональности и экспрессивности. Наряду с упрощением языковой реальности упрощалась и культурная среда.

Языковой мир русского коммунизма представлял собой наспех созданную, в условиях социалистической революции и последовавшей за ней смены всего предшествовавшего строя жизни, языковую конструкцию наклепанных кличек, лозунгов, клишированных фраз и аббревиатур. Несмотря на оппозицию предшествовавшему укладу жизни, для данной системы, определяющей миропонимание народных масс, была свойственна опора на некоторые исконно русские традиции и архетипические образы.

Играя со смыслами и символами, советская власть, в рамках русской языковой системы, породила модель особого восприятия и видения мира, не имеющую ничего общего с реальным положением вещей.

Данная идеологическая модель была основана, прежде всего, на различных языковых играх, способности отдельных концептов к формированию языковой картины мира этносоциума и, как следствие, его мировоззрения и культурной среды. Происходила ситуация наложения друг на друга двух языковых картин мира – реальной и вымышленной коммунистической.

В эпоху советской власти к ключевым концептам можно было отнести советизмы, составляющие языковой каркас данной эпохи, его некую идеологическую модель. Советизмы придавали реальности целостность, формируя в сознании индивидов языковую картину мира и осуществляя расчистку культурного сознания. Они формировали новую упрощенную культуру, основанную не на принципах духовности и божественного откровения, а на идеалах коммунизма. Это происходило через систему

миропроговаривания - миропонимания в процессе сакрализации новых явлений. На смену советизмам, представлявшим эпоху модерна, пришел постмодерн со своим новым сакральным образованием – брендом.

§ 4. Сакрализация бренда в современной русской культуре

Главной особенностью современности является факт постепенного стирания грани между иллюзией и подлинником, так называемое господство симуляционности. Современная трактовка симулякров претерпела ряд изменений. Если раньше само понятие симулякра осознавалось фикцией, имитацией, псевдореальностью, то, на сегодняшний день, оно активно используется в замещении всех сфер реальной жизни, выступая как абсолютно самодостаточное явление, постепенно заменяющее подлинную реальность.

В данном параграфе будет рассмотрена философская сущность бренда, как явления современности симуляционного характера, осуществляющего свое бытие в пространстве русской языковой реальности в качестве ее инородного элемента. Феномен бренда будет проанализирован в качестве сакрального явления современности, подвергающегося постоянной симуляции в пространстве русской языковой реальности. Также будет исследовано его прямое воздействие на смену схемы миропроговаривания - миропонимания. С этой целью рассматривается взаимодействие бренда с реальностью и связанные с этим изменения, происходящие в картине мира.

Явление и развитие симулякров, в современном мире можно проследить на примере бренда, как одной из наиболее распространенных его форм. Бренд как симуляционное явление нашего времени имеет место быть, поскольку он не только явление визуального характера, но и явление знаковое, полностью удовлетворяющее требованиям симуляционного характера, согласно которым, симулякр, прежде всего, знак.

Характерная особенность современности – постоянный рост информации, вследствие чего язык начинает играть более важную роль в жизни социума, а

языковая реальность постепенно трансформируется в единственно подлинную реальность. У слов появляется функция создания бытия. По мнению большинства философов-постмодернистов, язык в качестве знаковой реальности, является одним из самых могущественных симулякров.

Развитие симуляционной реальности прослеживается в пространстве языковой реальности, являющейся для нее прекрасной основой. В качестве языковой реальности берется русская, поскольку она изначально, в силу своих специфических характеристик и особенностей, обладала предрасположенностью к симуляционному. Русская языковая реальность – это мощное симуляционное поле, она сама есть бытийствующий симулякр, притягивающий к себе все новые симулякры, одним из которых и является бренд – на сегодняшний день, один из основных элементов симуляционного мира.

Проблемами слов и вещей в русском языке занимались такие философы как Лосев А.Ф., П.А. Флоренский и М. Эпштейн и др. Ставшая в настоящее время актуальной тема бренда все сильнее и сильнее вторгается в повседневность индивидов, посредством родного языка, формируя в рамках современного общества новую культуру, которую многие философы стали называть третьей сигнальной системой, ко второй можно отнести естественные языки.

Симулякр можно соотнести с такими современными понятиями, как «имитация», «подобие». Но он содержит в себе смысл несколько более полный и развернутый, чем данные термины. Симулякр в своей философской трактовке являлся не просто обозначением процесса, но некой реальностью, постоянно растущей и расширяющейся в пространстве.

Современная картина представлений о симулякре претерпела ряд изменений. Его фиктивная природа трансформировалась в природу истинную, реальную. Воспринимающийся, изначально, как одна из форм иллюзии, подмены, пустой фикции, в настоящее время принимает статус подлинного, настоящего. Будучи оторванным от своей изначальной сущности, симулякр

вступает в новую форму отношений с окружающим его миром, наращивая новые формы отношений и связей.

Если рассматривать симулякр с точки зрения положительного или отрицательного значения, то возможно выделения ряда различных точек зрения. Большинство авторов философских концепций склоняются к его отрицательной стороне, имеющей своим результатом превращение основных аспектов и элементов реальности в некую фикцию, пустую по своему смыслу и содержанию.

Согласно воззрениям античных философов, симулякр – это сделанная с помощью мышления по образу и подобию реального предмета его призрачная копия, которую можно представить реальным предметом, но каковым на деле она не является. Это имитация является подменой реального ненастоящим предметом или образом, который является как бы выдуманным. Для него характерна мнимость и призрачность, которые являются лишь неким подобием реального образа. Симулякр есть то, чем он кажется, но не есть на самом деле.

Трактовка образов-симулякров была дана в философии античного атомизма, согласно которой симулякры являются непрерывными истечениями из тел. Данное утверждение позволило существенно расширить область их существования.

В средние века понятие симулякра рассматривалось через призму христианского учения, согласно которому человеческий ум по отношению к божественному разуму является главным симулякром. Средневековые связывало симулякры, прежде всего, с постижимостью или непостижимостью божественных истин и творений.

В учениях философии Нового Времени идола различного рода являются главным препятствием на пути познания природы, которые человек сам создает и усваивает в своей деятельности. Идолы заблуждений выступают в роли главных симулякров, предоставляющих человеку ложные знания и уводящих его от истины.

Но наибольшее внимание проблема симулякров привлекла к себе в XX веке. Для философов-постмодернистов симулякр являлся неким мистическим опытом, воплощенным в слове, художественном произведении. Он является образом, который лишен сходства с оригиналом, но производит эффект этого сходства. Основное на чем строится симулякр – это несоответствие и различие. В нем нет ни иерархии, ни упорядочивания.

Симулякры создают целый мир полный анархии, в этом мире разрушаются все модели и копии и царит созидающий хаос. Характерной чертой современности является неограниченное господство симулякров. Они повсюду – в искусстве, социальной жизни.

Французский философ Ж. Бодрийяр характеризовал современность как истерию производства и воспроизводства реального, что находит свое воплощение в гипермаркетах и связывает симуляцию и симулякр. В своей работе «Симулякры и симуляция»¹ он отмечал, что представление становится симулякром, если отражает глубинную реальность, маскирует или денатурализует ее, а также маскирует отсутствие глубинной реальности. Согласно Ж. Бодрийяру происходит замена реального знаками реального. Симулякр не может быть заменен реальным, в чем заключается отличие симуляции от представления. Происходит постепенное утрачивание смысла наряду с постоянным увеличением информации.

Симулякр в силу своего нереального и ненастоящего статуса не обладает собственным содержательным ядром, он представляет собой пустую форму, которая натягивается на любые новые конфигурации.

Бытие симулякра – это синоним истинного бытия, псевдобытие, реальное бытие, но только перевернутое наизнанку. Для него характерна очень высокая степень символичности. Знаковость является отличительной чертой симулякра.

На сегодняшний день, бренд является одним из полноправных и самостоятельных объектов, берущих свое начало в мире симулякров и несущих

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 11.06.2010).

симуляционные смыслы и ценности в мир реальный. Бренд не просто является неким «нагромождением» симуляционного характера, привнесенным человеком в мир потребления, но он скорее имеет тенденцию к постепенному замещению реального бытия своим бытием. А. Назайкин в статье «Что такое бренд?»¹ отмечает, что слово «бренд», происходящее от английского «brend», переводится как «товарный знак». На сегодняшний день бренд означает не просто торговую марку, а только широко известную. А Назайкин в своей работе «Что такое бренд сегодня» подчеркивает неосвязаемость бренда, его существование только в сознании потребителя в качестве нематериального актива.

На сегодняшний день с брендом происходят значительные метаморфозы, которые позволяют ему выдвинуться на первый план в качестве полноправного хозяина культурной сферы человека. Симуляционная природа бренда проявляется, прежде всего, в таких его свойствах как имитация образа жизни, индивидуальности. Бренд является созданным образом, начинающим жить своей собственной жизнью, он обладает собственным бытием.

Еще Ж. Бодрийяр вывел следующую закономерность симулякра, заключающуюся в его постоянном росте и расширении, когда симулякры одного порядка могут заменяться симулякрами следующего порядка, находящимися уже на более высокой фазе развития. Бренд с каждым днем становится все более развитым симулякром, захватывая не только культурное и экономическое пространство, но также и политическую сферу жизнедеятельности человека.

Если изначально бренд выступал не более как название вещи, то с течением времени он приобрел статус бытийствующего образа, способного подчинять себе время и пространство человеческого реального бытия.

Бренд – это имя. Он несет в себе некие знания, эмоции, ассоциации. Он, по своей сущности, неотделим от языка, в пространстве которого существует. Бренд, как любой знак, является некой объективной реальностью, в которую

¹ Назайкин А. Что такое бренд? URL: www.nazaykin.ru/_br_brand.html (дата обращения: 13.01.2013).

вложен определенный смысл, некое символическое значение. Каждый бренд несет в себе определенный миф.

Согласно Ж. Бодрийяру, бренд является самовоспроизводящимся симулякром. Он, по своей сути, является симулякром самого себя.

Философ-антрополог А.Ю. Семаш в работе «Дивный заклеянный мир (в тисках идеологии бренда по Наоми Кляйн)»¹ отмечал, что в обыденной речи потребителей под влиянием восприятия бренда происходят определенные изменения. Имена собственные переходят в имена нарицательные. Новые языковые конструкции цепляются за уже существующие, известные, часто употребляемые выражения, образуя новый устойчивый комплекс.

Переход имен собственных в имена нарицательные знаменует собой тот факт, что слова начинают свое собственное бытие. Интересно также и то, что не появляются новые слова, а меняется смысл у слов уже имеющих. И те и другие имеют сходство чисто внешнего характера, но не более того. Создаются и распространяются лексические конструкции, способные к самостоятельной жизни в языке целевой аудитории.

В процессе создания бренда создается новый образ путем искажения свойств, присоединения частей или качеств одного объекта другому, путем схематизации, выделяющей существенные или квазисущественные черты объекта и акцентирования, подчеркивания его типичных признаков. Этим, согласно взглядам философа, пользуются мифология, литература и живопись, а в настоящее время и бренды переняли подобную механику создания своих образов.

В настоящее время бренды все активнее вторгаются в повседневную жизнь людей, замещая сферы культуры, философии, религии, манипулируя сознанием людей. Таким образом, человек оказывается погруженным в сферу симуляции, в сферу пустой знаковости.

¹ Семаш А.Ю. Дивный заклеянный мир (в тисках идеологии бренда по Наоми Кляйн). URL: <http://antropology.ru/ru/texts/semash/brand.html> (дата обращения: 07.05.2010).

Ж. Бодрийяр в своей работе «Симулякры и симуляция»¹ отмечал, что язык в современном обществе становится чем-то материальным. При этом звуковая субстанция языка обретает статус материальной вещи, а звуки и даже буквы мыслятся как атомы субстанции. Слова, выйдя из режима своего соответствия и потеряв знаковую обусловленность, становятся «вещами», воплощая в себе некий более фундаментальный статус объективности, большую реальность.

Принцип реальности и прозрачности языка оказывается прорван сверхреальностью. Слова больше не выражают реальность, а являются ею. Не через посредство идей, а в силу «единосущности» материальных вещей и звуковой субстанции речи.

Происходит вторжение тела в пространство языка. Оно обуславливает вытеснение содержания своей формой. Расстояние между словами и вещами изменяется благодаря использованию «вещественности» самих слов. Лингвисты пытаются спасти «символическую» ценность звучания от идей произвольности знака. Если взять за основу русскую языковую реальность, то в ней можно наблюдать все то же тотальное господство знака. Она утрачивает принцип содержательности и превращается в некую материальную субстанцию. Слова в нем занимаются «самопожиранием», выедают сами из себя любое смысловое значение.

Ж. Бодрийяр выделял в системе развития симулякров эффект «разрешения». Суть его заключалась в том, что бесследное исчезновение реальности в мире симулякров происходит под действием современного порядка симулякров, когда вместе с детерминированностью знака исчезает и вся его аура. В результате этого предметы теряют свою ценностную весомость и улечиваются в виде бестелесных негативностей, призраков и «пережитков».

¹ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 02.12.2010).

На современную реальность, в настоящее время, давит целый ряд симулякров. К основному из них можно отнести язык, который с каждым годом все больше отдаляется от своей содержательно-смысловой стороны и превращается в чисто знаковое явление.

М. Эпштейн в работе «Слово и молчание русской культуры»¹ отмечал тот факт, что в России историчен только язык, а все остальные явления небытийствуют или полубытийствуют, при этом они образуют призрачную среду языка и имеют его своим недостижимым пределом. Вещи хотят быть названными, сообщенными, но язык живет собственной жизнью, он сам себе вещь, единственная, на которую дано прочно опереться национальному самосознанию.

Таким образом, русская языковая реальность – это гипертрофированная реальность в контексте словесных конструкций и выражений. Она полностью соответствует всеобщей симуляционной знаковости, господствующей на планете. Ее можно назвать сверхзнаковой реальностью, поглощающей все вокруг себя. Бренд, взаимодействуя с ней, является продолжением и одновременно основой созданной гиперреальности. Без языка нет бренда, нет вообще никакого симулякра. Симуляционность порождена, прежде всего, знаковостью, изначально идущий из речи.

Русский язык является, на сегодняшний день, главным симулякром в России. Слова пусты по своему содержанию и являются простым набором звуков. Они не несут в себе никакой информации, а действуют на сознание людей подобно заклинанию.

Феномен бытийственности русского языка, позволяющий словам и понятиям жить самостоятельной жизнью, изначально присущий ему, сыграл большую роль в его дальнейшем «обесмысливании». Данный феномен характерен только для русской речи. К сожалению, будучи явлением не только положительным, но и отрицательным, он привел к его «самопожиранию», в результате чего слова перестали нести в себе какую-либо ценность и оказались

¹ Эпштейн М. Слово и молчание русской культуры // Звезда. 2005. № 10. С. 202–222.

информационно пустыми. Они стали являться чем-то вроде заклинаний и мантр.

В русской языковой реальности происходит постоянная симуляция сакрального, в чем и заключается ее коренное отличие. Такая симуляция сакрального происходит на протяжении развития всей русской культуры, когда на место сил природы ставили бога, природа все равно оставалась сакральной. В дальнейшем, место бога занял государь.

Для всей русской культуры характерен факт трепетного отношения к природе, некий антропоморфизм, оставшиеся элементы языческого поклонения матери-земле, не изжившие себя и после принятия христианства с его культурными особенностями.

И. А. Василенко в работе «Российская политическая культура: архетипическое и сакральное в горниле модернизации»¹ отмечает сакральный базис всей русской культуры. Согласно И.А. Василенко, сакральными в славянской традиции были символы вегетативного плодородия – дерево, роща, колос, животного плодородия – пчела, скот, корова. Сюда же относили и сакрально отмеченные точки пространства: гора, поле, река, рамки Вселенной, выступающие в роли родителей: мать-Земля и отец-Небо.

В Древней Руси пространство и время наделялись священным статусом. Согласно древнерусской традиции, все должно быть сакрализовано, то есть оторвано от злого начала. Таким образом, в русской культуре центральное значение всегда имел образ Земли-матери, на базе которого, в период язычества сформировалась религия растворения в ней. После принятия христианства природа осталась сакральной, а религиозность стала так называемой «женственной» религиозностью, связанной с почитанием Богоматери. Земля в православной культуре, согласно взглядам И.А. Василенко, никогда не являлась антитезой неба, в отличие от Западной культуры.

¹ Василенко И.А. Российская политическая культура: архетипическое и сакральное в горниле модернизации // Трибуна русской мысли. 2003. № 2. С. 90–100.

Для русского мировосприятия характерно отсутствие границ между богом и природой, а православие носит космологический характер. Русская православная культура синтезирует в себе сакральное и земное, соединяет с богом природу.

Сакрализация монарха была связана с усвоением концепции «Москва – третий Рим». Согласно работе «Семиотика истории. Семиотика культуры»¹ Б.А. Успенского, изначально Византия выступала для России в качестве учителя, впоследствии роль учителя перешла к русским. Русский царь занял место византийского императора, неся так называемую миссию от православной церкви.

Если изначально справедливость царской власти связывалась с благочестием, а затем с его богоизбранностью, то затем на первый план выступило соответствие византийскому культурному эталону.

Сакральный статус царя, согласно Б.А. Успенскому, представляет новые прерогативы по отношению к церкви. Языковое поведение в России перестает быть однородным. Отличительной чертой его является метафорическое употребление, игра словами и смыслами.

Цитирование имело характер украшения, игра чужим словом было изысканным риторическим приемом. Происходила актуализация метафоры, барочный образ начинал восприниматься не в качестве условного, а в виде действительного. Следствием этого являлся тот факт, что уподобление царя богу могло восприниматься в прямом смысле.

Вся древнерусская культура представляет собой гипертекст, центральное место в мировоззренческой системе занимает понятие «образ». Русская культура отличается логоцентричностью, в ее центре Божественный Логос – Иисус Христос.

¹ Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры // Успенский Б.А. Избранные труды в 2-х т. Т.1. М.: Гнозис, 1994. 360 с.

В книге Т.В. Чумаковой «Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа»¹ отмечается культ письменного слова в русской культуре, а также связанную с ним сакрализацию письменного слова.

Древнерусская культура способна порождать контексты, изменяющие культуру, способствующие слиянию языковых и культурных тем, созданию новых концептуализированных областей смысла.

Согласно взглядам И.А. Кутявиной, сакрализация монарха в России происходила в несколько этапов. Первый этап был связан с принятием христианства и заимствованием византийской культуры, идеи параллелизма Бога и царя. Второй этап осуществлялся после падения Византии, когда Россия оказалась единственным православным государством, а русский князь – единственным православным монархом. Титул царя стал восприниматься в качестве имени собственного, божественного, приобретать мистический смысл.

Опираясь на вышеперечисленные концепции сакрального в России можно сформулировать положение, относительно которого в ситуации с брендами также происходит своеобразное поклонение, поскольку для русского менталитета на протяжении длительного времени было характерно стремление к тотальной сакрализации окружающего пространства. Начавшая со времен язычества сакрализация сил природы, сменилась сакрализацией бога, а затем правящего монарха и языка.

Новый элемент сакрализации, на сегодняшний день – бренд. Представляя собой особую идеологию, систему символов, мифов и легенд, бренд являет собой некое ядро симуляции сакрального в русской языковой реальности, которая осуществляется через миропроговаривание – миропонимание.

Легенда, идеология бренда способствует его сакрализации. С понятием «сакральное» на протяжении длительного времени происходили значительные

¹ Чумакова Т.В. Образ человека в культуре Древней Руси: опыт философско-антропологического анализа. URL: <http://antropology.ru/ru/texts/chumakova/abstract.html> (дата обращения: 22.02.2014).

метаморфозы, что позволило выделить его в качестве симуляционного явления современной России. Симуляция сакрального охватывает различные сферы духовной (ценностный мир фольклора, любовь как концепт), экономической (бренд) и политической (коммунизм) жизни русского народа, являясь отличительной чертой русского менталитета и миропонимания.

Советизмы представляли эпоху модерна, бренд же относится к постмодерну. Для советизмов было свойственно упрощение реальности, культуры, но одновременно с этим удержание ее целостности. С брендами складывается следующая ситуация, при которой происходит дробление воображаемого на фрагменты, следовательно, изначальная целостность утрачивается, а вместо одной целостной модели миропонимания, утверждается наличие множественных его фрагментов. Следствием этого является изменение картины мира.

Русская языковая реальность представляет собой определенного рода симуляцию сакрального, в данном случае под сакральным следует понимать образ, связанный с языковыми структурами, имевший в качестве своего первостепенного предназначения прославление природных сил и явлений. Для русского мировоззрения сакрализация чего-либо всегда означает принятие этого в качестве духовного эталона.

В русской культуре происходила постепенная трансформация термина «сакральное». Связанный, прежде всего, со священным значением и носящий религиозный подтекст, он претерпел значительные метаморфозы, что позволило применять его относительно нерелигиозных контекстов повседневности. Происходила постепенная замена одних смыслов другими, неизменной оставалась лишь концептуальная оболочка данного понятия, имевшая этимологию божественного и возвышенного.

Отмеченная многими русскими философами приверженность русской языковой реальности к бесконечного рода языковым играм, заменам смыслов и значений слов, а также к постоянной повторяемости, имевшей, как следствие,

рождение «пустозвучия» русской речи, приводила к формированию в ее лоне новых устойчивых вербальных систем и конструкций.

Локальное заболевание русской языковой реальности бессмыслицей, начавшееся в эпоху барокко, наложило отпечаток на всю русскую культуру в целом, в частности, на проблему сакрализации отдельных сфер общественной жизни.

Стремление к сакрализации и способность русской речи к наделению слов самостоятельным бытием, а также потеря изначального смысла многими понятиями – вот два основных фактора устойчивого закрепления такого феномена, как бренд в русской культуре.

Сакрализация – есть принятие явления действительного мира, принятого за образец и наделенного священным смыслом и значением. Сакрализация тесно связана с языковой реальностью, поскольку именно посредством языковой реальности происходит дальнейшее развитие и внедрение в сознание индивидов сакральной парадигмы.

Сакральное в России является симуляционным явлением, связанным, прежде всего, не с особенностями христианской религии, а с миропониманием, особенностями менталитета русского народа, а также языковой реальности, выраженное через миропроговаривание.

Представляя, по своей сути, особую идеологическую модель священнодействия и сакрального, языковое пространство посредством знаков трансформирует понятия и явления повседневности, придавая им статус возвышенного.

Для сакрального всегда была характерна тесная связь с историческим процессом и особенностями мировосприятия русского этноса, класса, поколения. Сакрализация неразрывно связана с понятием актуальности и значимости определенного явления общественной жизни на историческом отрезке времени. Так, например, для пролетариата, как рабочего класса вождь возводился в священный статус, коммунизм являлся сакральным явлением. Для

современного поколения молодежи священными свойствами обладают различного рода гаджеты: айподы, планшетные компьютеры, интернет и др.

Слова и понятия русской языковой реальности – это, прежде всего, священные символы, обладающие сакральным смыслом и бытием. Являясь объектом симуляционного пространства, бренд как сакральный феномен священнодействует в русской культуре. Нацеленная, прежде всего, на божественное прославление, русская языковая реальность трансформирует свою семантику и прагматику, подчиняя ее логике бренда. Тем самым, конструируется сетка понятий, имевших изначально религиозный смысл и контекст.

Лексемы русской языковой реальности прикрепляются к бренду, превращая его из простого объекта материальной культуры в священный объект поклонения и почитания. Бренды, это не просто набор слов и обозначений, применяемых относительно конкретной марки товара, это есть языковые конструкции, обладающие статусом прославления. Бренд акцентирует все внимание потребителей на своей сакральной природе и сущности, тем самым призывая их к своего рода приобщению, поклонению и созданию некоего культа.

Оторванная от своей прежней религиозной функции, русская языковая реальность начинает существовать в условиях информационной пустоты концептуальной сферы, сконцентрированной на собственном бесконечном проговаривании.

Изначальный священный смысл отдельных слов и понятий утрачивается, остается лишь их пустая оболочка, которая прикрепляется и функционирует уже в совершенно иных условиях. В условиях потребительского общества русская языковая реальность, следуя своей природной направленности, соединяется с новой системой существующих ценностей и явлений, порождая сферу симуляционного бытия.

Существующая в подобных условиях симуляция сакрального, находит свое выражение в новой эстетике бренда, подчиняя его законам русской языковой реальности – властвующего симулякра русской культуры.

В данном случае, положение бренда, его сакральный статус есть нечто симуляционное, не имеющее прямого отношения к истинной природе сакрального. Сакральным бренд становится вследствие обретения ряда черт и качеств, полученных при помощи языковой реальности.

Существующий культ бренда дает человеку ложные представления об окружающем его обществе, ценностях, сакральных идеалах, а также собственном положении в данном обществе и приобщении к сакральному. Между тем эти представления не образуются хаотично, а формируются при помощи социальных и культурных практик. Одной из них, все более претендующей на всеобщность порождаемых ею смыслов становится дизайн. Как отмечает С.Н. Оводова, «Дизайн предполагает создание концептов, целостных образов, в которые оказываются вписанными вещь, человек, среда. Продукт, созданный дизайнерами, встраивается в определенную модель реальности. Для продвигаемого продукта подбираются окружение, рекламный слоган, модель, которая станет лицом продукта, – все это есть разворачивание концепта. Желанный образ, обещающий удовольствие, сопровождает продукт и побуждает потенциального потребителя соответствовать модели поведения, заданной дизайнерами. Причем стоит отметить, что по функциональности продукты не отличаются, различие состоит в дизайне, что свидетельствует о превалировании эстетического оформления над утилитарностью, а также о борьбе жизненных моделей, а не просто продуктов и производителей»¹. Культуротворческую потенцию дизайна отрицать сложно, однако окружение продукта о котором говорит автор приведенного фрагмента, включая в себя человека относит носителя брендового миропонимания на периферию бытия.

¹ Оводова С. Н. Проектирование антропокультурной реальности посредством дизайна // Вестник омского университета № 1 (71) Омск, 2014. С. 141.

Брендовое сознание продуктоцентрично (у продукта есть лицо), а не антропоцентрично.

Несмотря на обладание слов собственным бытием, происходит общее угасание и опустение общего пространства языка, а также превращение языковой реальности в ничего не значащее образование фиктивного толка. Отдельно бытийствующие слова есть симулякры, представляющие подобия явлений объективной реальности. Данные симулякры полностью подчиняют себе логику действительного мира, замещая ее своей идеологической моделью.

Бренды в современной России являются не чем иным, как симуляционным явлением сакрального характера, возвышенным и обожествленным. Языковая реальность является связующим звеном между сакральным статусом, как таковым, и брендом, как явлением объективной реальности. Бренд больше не рассматривается в качестве материального объекта, он являет собой область духовного.

Связь между бытием слов в русской языковой реальности и сакрализацией брендов прямо пропорциональна. Чем большую степень бытия и «самости» получают вербальные конструкции, тем больше степень симуляционности сакрального. Степень сакрального в данной ситуации начинает приобретать свойства некоего гротеска, поскольку применяется к таким явлениям общественной жизни, к которым применяться, в принципе, не может.

Итак, в данной главе были проанализированы исторические метаморфозы миропроговаривания - миропонимания в русской культуре, отраженные в концептуальной сфере таких сакрализованных явлений русской культуры, как фольклор, русская религиозная философия, языковое пространство русского коммунизма и современность.

Миропроговаривание - миропонимание данных сакрализованных явлений русской культуры определенным способом взаимодействует с реальностью, придавая ей характер целостности или наоборот, дробя, на отдельные фрагменты и изменяя общую картину мира индивидов, их миропонимание.

Таким образом, это указывает на основополагающую роль языка в формировании мировоззренческих установок, культурного восприятия действительности.

Вся реальность человеческого бытия заключена в том факте, что подлинную свою жизнь, индивид, как существо разумное и культурно развитое, проживает в пространстве языковой реальности, формируя посредством ее проговаривания свое миропонимание.

Заключение

Культура и язык в современном обществе начинают выступать в качестве взаимосвязанных и взаимозависимых явлений, двух элементов единого целого, которые невозможно рассматривать и анализировать в отрыве друг от друга. Языковая реальность – основная форма бытия культуры, является средством ее вербального воплощения.

Посредством языковой реальности происходит накопление, передача и сохранение культурных ценностей, таким образом, языковую реальность можно обозначить в качестве основного гаранта существования и сохранения культуры, транслятора культурных знаний и элементов в пространстве социума.

Тесная взаимосвязь культуры и языковой сферы проявляется также в существовании культурных различий между языковыми носителями: этносами, классами, поколениями. Эти различия проявляются в специфике миропонимания, отражающего определенные взгляды на мир и менталитет языковых общностей.

Основные выводы и результаты исследования могут быть сведены к следующим положениям: Русская языковая реальность понимается как реальность особого типа, включающая в себя субъективный образ объективного мира, формирующая общественные взгляды через систему миропроговаривание - миропонимание.

К учению о мировоззрении и языковой реальности, имеющемуся в философской литературе были добавлены новые аспекты. Установлено их место и роль как методологии при анализе схемы миропроговаривание - миропонимание в условиях исторических метаморфоз русской культуры. С этой целью выделены четыре временных механизма, ответственных за выработку социально и культурно значимых языковых констант в русской культуре: русского фольклора, русской религиозной философии, русской коммунистической идеологии и современные процессы сакрализации брендов,

появлении брендового мировоззрения. Основой выделения служат метаморфозы сакрального базиса русской культуры, ключевые ценности, проговариваемые в нем. Для решения проблемы взаимодействия культуры и миропроговаривания - миропонимания была проанализирована природа языковой реальности. Этот анализ показывает, что в национальном контексте существует сакрализация основ культурных явлений, поскольку русская языковая реальность изначально обладала бытийственностью и склонностью к священнодействию.

Философский анализ временных механизмов показывает, как культурные изменения влияли на миропроговаривание - миропонимание русского народа и в свою очередь оказывали влияние на культуру. В русской культуре символическое выходит на первый план, порой заменяя собой физическую реальность.

В ходе исследования было произведено выделение научной картины мира по теоретическому признаку в системе миропроговаривание - миропонимание, а четырех временных механизмов – по обыденному. Выявлено, что на современном этапе развития русской культуры симуляция достигла своего апогея, что нашло отражение в ситуации с брендом. Метаморфозы в миропроговаривании приводят к метаморфозам в миропонимании.

Библиографический список

1. Абрамова, Н. Т. Являются ли несловесные акты мышлением? / Н. Т. Абрамова // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 68–69.
2. Алексеев, П. В. Наука и мировоззрение / П. В. Алексеев. – М.: Политиздат, 1983. – 367 с.
3. Аристотель. Метафизика [Электронный ресурс] / Аристотель. – Режим доступа: lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/metaphiz.txt.
4. Аристотель. Об истолковании / Аристотель. – Сочинения в 4 томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
5. Артеменко, Е. Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия [Электронный ресурс] / Е.Б. Артеменко – Режим доступа: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf.
6. Арутюнова, Н. А. Феномен молчания / Н. А. Арутюнова / Язык о языке. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 418 с.
7. Балашова, Л. В. Роль «советизмов» в языковой картине мира (на материале сленговых метафор конца XX - начала XXI века) [Электронный ресурс] / Л. В. Балашова – Режим доступа: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1837/1/Part2> – 2008 – 06. Pdf.
8. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 388 с.
9. Безлепкин, Н. И. Философии языка в России: проблемы и направления / Н. И. Безлепкин // XXI век: будущее России в философском измерении: материалы II Российского философского конгресса. В 4 т. – Екатеринбург: Изд-во Урал, унта, 1999. Т. 1, ч. 2. – С. 301–302.
10. Безлепкин, Н.И. Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии / Н. И. Безлепкин. – 2-е изд. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – 268 с.
11. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. – Полн. собр. соч. в 9 тт. – М.: Худ. лит., 1976 – 82. – Т. 5. – С. 329.

12. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 525 с.
13. Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. Бердяев. – М.: «Сварог и К», 1997. – 324 с.
14. Бердяев, Н. О назначении человека / Н. Бердяев. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
15. Бердяев, Н. Тайные силы любви. / Философия любви. [Электронный ресурс] / Н. Бердяев // Сборник. Ч. 2. – М., 1990. – Режим доступа: <http://www.aquarun.ru/psih/psex/ps5.html>.
16. Бернюкевич, Т. В. Буддизм в российской философской культуре: "чужое" и "свое" : монография / Т.В. Бернюкевич. – М.: URSS, 2009. – 159 с.
17. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд; пер. с англ. — М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
18. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва: Добросвет, 2000. – 387 с.
19. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – П.: 1981. – 235 с.
20. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М.: Ad Marginem, 2000. – 317 с.
21. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
22. Будагов, Р.А. Человек и его язык / Р. А. Будагов . – 2-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 428 с.
23. Бэкон, Ф. Новый Органон [Электронный ресурс] / Бэкон Ф. // Сочинения в 2-х т. – Т. 2. – 1978. – Режим доступа: lib.ru/Filosof/Bekon/nauka2.txt.
24. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М., Либриком, 2009. – 232 с.
25. Вардзелашвили, Ж. А. Символизация обыденного в языковой картине мира. [Электронный ресурс] / Ж.А. Вардзелашвили – Режим доступа: <http://open.slavica.org/index.php/als/article/view/205/272>.
26. Вахтомин, Н. К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория / Н. К. Вахтомин. — М.: Наука, 1973. – 286 с.

27. Введение в философию: учебник для вузов / Авт. колл. И. Т. Фролов и др. – в 2-х томах. – Т. 1. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 623 с.
28. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ. — М.: Русские словари, 1996. – 411 с.
29. Виноградов, В. В. Избранные труды. История русского литературного языка / В. В. Виноградов. – М., 1978. – 320 с.
30. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. – М.: Наука, 1958. – 133 с.
31. Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ / Е. К. Войшвилло. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 238 с.
32. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании / С. Г. Воркачев // Коммуникативные исследования 2003. – Современная антология. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 189–208.
33. Воробьева, Е.А. Языковое выражение этнической картины мира в поликультурном пространстве Забайкалья. [Электронный ресурс] / Е.А. Воробьева – Режим доступа: <http://humanities.edu.ru/db/msg/40115>.
34. Ворожбитова, А.А. «Официальный советский язык» периода великой отечественной войны: лингвотеоретическая интерпретация / А. А. Ворожбитова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Выпуск 2. – Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000. – С. 21–42.
35. Воронина, Т. В. Образ политического лидера в русском фольклоре / Т. В. Воронина // Актуальные проблемы политологии: Сборник науч. работ студентов и аспирантов Российского ун-та дружбы народов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 17–22.
36. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. — 414 с.
37. Выготский, Л. С. Мысль и слово / Л. С. Выготский // Избранные психологические исследования. – М.: Мысль, 1956. – С. 378.
38. Гадамер. Истина и метод / Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

39. Гайденоко, П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ / П. П. Гайденоко. – М.: Наука, 1980. – 566 с.
40. Галимов, Б. С. Картина мира и научная теория / Б. С. Галимов // Формирование и функционирование научной картины мира. – Уфа: РИО БашГУ, 1985. – С. 57–59.
41. Гамперц, Дж. Типы языковых сообществ / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике. – Вып. VII. – Социоллингвистика. – М., 1975. – С. 185.
42. Гегель. Сочинения: наука логики / Гегель. – Т. 5. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 715 с.
43. Гегель. Символическая форма искусства / Гегель / Эстетика в 4-х т. – Т. 2. – М.: Искусство, 1969. – С. 14.
44. Гиренок, Ф. И. Симуляция и символ: вокруг Ж. Делеза / Ф. И. Гиренок // Социо-Логос постмодернизма. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 215–234.
45. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
46. Грек, М. Соч. преп. Максима Грека / М. Грек. – Казань., 1961. – 552 с.
47. Григорьев, Б. В. Философия как часть семиологии. Имена и вещи: предметность и функции знака / Б. В. Григорьев. – М., 1999. – 131 с.
48. Громов, А. В. Актуальные задачи философского изучения фольклорного наследия / А. В. Громов, С. Л. Громова // Музыка: искусство, образование, диалог культур: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции. – Махачкала, ДГПУ, 2009. – 256 с. – С. 129–132.
49. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. с нем. 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000. – 396 с.
50. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М., 1993. – С. 26.

51. Гурьянова, Г. И. Фольклор и философия в системе культуры / Г. И. Гурьянова // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. – СТруды и материалы: в 2 Т. – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 161.
52. Данте, О. О народном красноречии / О. Данте // Малые произведения. – М., 1968. – 243 с.
53. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ / Т. А. ванн Дейк; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
54. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. – М. – Ек-г, 1998. – 371 с.
55. Делез, Ж. Марсель Пруст и знаки / Ж. Делез. – СПб.: Алетейя, 1999. – 190 с.
56. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры. Категория персональности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев.– М.: Глобалком, 2013. – 336 с.
57. Деррида, Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 192 с.
58. Ермоленко, Ф. А. Метафоры обыденной речивязыке философии / Ф. А. Ермоленко // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы III Российского философского конгресса. В 3 т. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – Т. 1. – С. 118–119.
59. Зайцев, П. Л. "Письмо товарищу Сталину" как исповедальная форма самосознания советской интеллигенции / П.Л. Зайцев // Омский научный вестник. – № 3 (139), 2015. – С. 59–61.
60. Зайцев, П. Л. Инициация: религиоведческие и культурфилософские контексты : Учебное пособие / П.Л. Зайцев. – Омск: Изд-во "Амфора", 2011. – 268 с.
61. Зайцев, П. Л. Структура и Антиструктура: мужская инициация в становлении человечества : монография / П.Л. Зайцев. – Омск: Изд-во «Амфора», 2010. – 164 с.
62. Зайцев, П. Л. Феноменология религии: учебное пособие: в 3 ч. – Ч. I: Инициация / П.Л. Зайцев. – Омск: Изд-во Ом.гос.ун-та, 2015. – 227 с.

63. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
64. Иванова, И. А. Концепт любовь и его концептосфера в истории русского языка [Электронный ресурс] / И.А. Иванова – Режим доступа: <http://www.avto-ref.mgou.ru/ar/ar32.pdf>.
65. Иващенко, В. Л. Общая топология концептуальных структур и ее основные параметры / В. Л. Иващенко // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 71–74.
66. Ионин, Л. Г. Слово и дело критики / Л. Г. Ионин. – М.: Издательство Политической литературы, 1989. – 265 с.
67. Каган, М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений / М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1988. – 319 с.
68. Кант, И. Сочинения: В 6 т. – Т. 6. – М., 1966. – 743 с.
69. Кант, И. Антропологическая дидактика / Кант И. Сочинения в 6 т. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 428.
70. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Философское наследие, 1994. – С. 22.
71. Кара – Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Электронный ресурс] / С. Г. Кара – Мурза - Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt>.
72. Кара – Мурза, С. Г. Советская цивилизация [Электронный ресурс] / С. Г. Кара – Мурза – Мурза – Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm.
73. Кара-Мурза, С.Г. Идеология и мать ее наука / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2002. – 256 с.
74. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.
75. Карнап, Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М., 1959. – С. 55.

76. Карнап, Р. Эмпиризм, семантика и онтология [Электронный ресурс] / Р. Карнап; перевод Н.В. Воробьева. – Режим доступа: <http://www.fidel-kastro.ru/filosofy/karnap/0.22.html>.
77. Касавин, И. Т. Теория как образ и понятие / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2001. – №3. – С. 103–110.
78. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – Т. 1: Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 271 с.
79. Ким, В. В. Семиотика и научное познание: философско-методологический анализ / В. В. Ким. — Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2008. – 416 с.
80. Козлова, М. С. Философия и язык / М. С. Козлова. – М.: Мысль, 1972. – 254 с.
81. Козлова, Н. Н. Заложники слова? / Н. Н. Козлова // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 100–109.
82. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
83. Корнилов, О. А. Языковая картина мира как производная национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
84. Косарева, Л. М. Генезис научной картины мира (Социокультурные предпосылки) / Л. М. Косарева. – М.: ИНИОН, 1985. – 80 с.
85. Косарева, Л. М. Рождение науки нового времени из духа культуры / Л. М. Косарева. – М.: Ин-т психол. РАН, 1997. – 358 с.
86. Коул, М. Культура и мышление / М. Коул. – М.: Прогресс, 1977. – 261 с.
87. Кремнева, А. В. Чувственные основания значения слова / А. В. Кремнева, Е. Ю. Мягкова // Язык, коммуникация и социальная среда: Собр. науч. тр. – Воронеж: Воронежский гос. Университет, 2007. – Вып. 5. – С. 112–114.
88. Кузнецов, Б. Г. Идеалы современной науки / Б. Г. Кузнецов. – М.: Наука, 1983. – 255 с.
89. Куликова, О. Б. Концепт реальности и проект «Наука» / О. Б. Куликова // Вестн. ИГЭУ. – вып. 1. – 2010. – С. 2.

90. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
91. Купина, Н. А. Советизмы: к определению понятия / Н. А. Купина. – Политическая лингвистика. – Вып. 2 (28). – Екатеринбург, 2009. – С. 35–40.
92. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан; пер. с фр. А.К. Черноглазова. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
93. Лантух, Н. А. Культурологический анализ категории «сакральная граница» в сказках А. С. Пушкина / Н. А. Лантух / / Культура народов Причерноморья. – № 3. – 1998. – С. 182–188.
94. Леонтьев, А. Потребности, мотивы и эмоции [Электронный ресурс] / А.Н. Леонтьев – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/162335/read>.
95. Леонтьев, А. Язык, речь и речевая деятельность / А. Леонтьев. — М.: Просвещение, 1969. – 211 с.
96. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
97. Лисицына, Т. А. Образы смерти в русской культуре: лингвистика, поэтика, философия / Т. А. Лисицына // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. – СПб., 1995.
98. Лобазова, О. Ф. Религиоведение / О. Ф. Лобазова. – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. – 416 с.
99. Логический анализ языка: Знание и мнение. – М.: Наука, 1988. – 125 с.
100. Локк, Дж. Избранные философские произведения в 2 т. / Дж. Локк. – Т. 1. – М.; 1960. – 736 с.
101. Лосев, А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.
102. Лосев, А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 259 с.
103. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – 2-е изд. - М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.

104. Макеева, Л. Язык и реальность / Л. Макеева // Логос. – 2006. - № 6. – С. 3–20.
105. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.Ж Школа «Языки русской культуры», 1997. – 288 с.
106. Мандельштам, О. О природе слова. / О.Мандельштам. – Собр. соч. в 3 тт. – Т. 2. – Нью-Йорк: Международное Литературное Сообщество, 1971. – С. 245– 246.
107. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
108. Мелетинский, Е. М. Статус слова и понятие жанра в фольклоре / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 39–104.
109. Мировоззренческие основания человеческой деятельности на рубеже XXI века: Материалы научно-практической конференции / изд-е Башкирского ун-та. – Уфа, 1997. – 206 с.
110. Мусаев, Р. М. Брэнд / Р. М. Мусаев // Вестник Российского философского сообщества, 2006. – № 2. – С. 196–198.
111. Назайкин, А. Что такое брэнд сегодня [Электронный ресурс] / А. Назайкин – Режим доступа: www.nazaykin.ru/_br_brand.html.
112. Невелева, В.С., Миляева, Е.Г. Антропологические смыслы бренда / В.С. Невелева, Е.Г. Миляева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2012 – № 17-2. – С. 184-188.
113. Николин, В. В. Волшебная сказка: исследование воспроизводства культуры / В. В. Николин. – Екатеринбург: Изд-во Старт, 2000. – 327 с.
114. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/6/202/770653html>.

115. Нуриев, Б. Б. Место и роль языка в жизнедеятельности человека / Б. Б. Нуриев, Д. А. Нуриев // Вестник Башкирского университета. 1997. – № 3. – С. 76–81.
116. Нуриев, Б.Д. Субъект языковой реальности и языковой деятельности: коммуникативный, познавательный и гносеологический аспекты / Б. Д. Нуриев // Вестник Башкирского университета, 2009. – Т. 14. - № 3. – С. 899.
117. Оводова, С. Н. Проектирование антропокультурной реальности посредством дизайна / С.Н. Оводова // Вестник омского университета № 1 (71) – Омск, 2014. – С. 136 – 142.
118. Павлов, И. П. Полное собрание соч. в 6 т / И. П. Павлов. – Т. 1. – М.-Л., 1940. – 296 с.
119. Панов, Е. Н. Знаки, символы, языки / Е. Н. Панов. – М.: Знание, 1983. – 247 с.
120. Панфилов, В. З. Взаимоотношения языка и мышления / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 231 с.
121. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Издательство Языки Русской культуры, 1998. – 364 с.
122. Переписка П.А. Флоренского с Андреем Белым // Контекст. Лит.-теорет. Исслед.-я. – М., 1991. – 366 с.
123. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
124. Пижик, С. В. Концепт «любовь/love» в русской и английской языковых картинах мира [Электронный ресурс] / С. В. Пижик – Режим доступа: http://www.bdpu.org/scientific_published/apif_4_2009/pizhik.pdf.
125. Платон. Диалоги / АН СССР ИФ. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
126. Платон. Сочинения в 3 томах / Платон. – Т. 1. – М., 1968. – 623 с.
127. Постовалова, В. Картина мира в жизнедеятельности мира / В. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1998. – С. 11.
128. Путилов, Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – СПб.: Наука, 1994. – 239 с.

129. Радченко, О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О. А. Радченко. – Т. 1. – М., 1997. – С. 250.
130. Решикова, И. П. Коммунизм: между временем и пространством / И. П. Решикова. – Хора. – 2008. – № 3. – С. 113–126.
131. Розанов, В. В. Опавшие листья. Короб второй. / В. В. Розанов. – М.: ООО «АСТ», 2003. – 54 с.
132. Розенфельд, М. Я. О статусе чувственного образа в структуре лексического значения / М. Я. Розенфельд // Вестник Воронежского гос. Унта. – 2009. – № 1. – С. 97–98.
133. Розин, В. М. Возможна ли семиотика как самостоятельная наука (методологический анализ семиотических подхода и исследований) / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2000. – № 5. – С. 63–75.
134. Романенко, Ю. М. Метафора и символ в культурном обращении / Ю. М. Романенко, О. А. Чулков // Метафизические исследования. – Вып. 5. Культура – Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, 1997. – С. 46–59.
135. Руднев, В. П. Прочь от реальности: исследование по философии текста / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
136. Савойская, Н. П. О подходе к изучению абстрактных концептов / Н. П. Савойская // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 18. – С. 93–96.
137. Свасьян, К. С. Проблема символа в современной философии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://philosophy1.narod.ru/katr/svas/svas-sym.html>.
138. Семаш, А. Ю. Воображение и брендинг. Творческие и познавательные практики в создании бренда [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/semash/index.html/>.
139. Сепир, Э. Символизм / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию. – М.: «Прогресс», «Универс», 1993. – 626 с.
140. Сковорода, Г. С. Сочинения / Г. С. Сковорода. – Т. 1. – Харьков: Майдан, 2010. – 1400 с.

141. Современный философский словарь / под общ. Ред. В.Е. Кемерова. – Изд-во Панпринт, 1998. – с. 487.
142. Соловьев, В. С. Оправдание добра: Нравственная философия / В. С. Соловьев. – М.: Республика, 1996. – С. 75.
143. Соловьев, В. С. Смысл любви [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv21.htm>.
144. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка 50 – 90 годов XIX века / Ю. С. Сорокин. – М., 1965. – 568 с.
145. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 101.
146. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., Прогресс, 1977. – 696 с.
147. Софронов-Антони, В. Индустрия наслаждения / В. Софронов - Антони // Логос. – № 4. – 2000 (25). – С. 85–93.
148. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов; 3-е изд., испр. И доп. – М., 2004. – 982 с.
149. Степанов, Ю.С. Концепт / Ю.С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 41.
150. Степин, В. С. Картина мира и ее функции в научном исследовании / В. С. Степин. – Киев., 1983. – С. 86.
151. Столетов, А. И. Универсальное и локальное (этническое) в мировоззрении / А. И. Столетов, Р. Х. Лукманова // Регионоведение. – 2009. - № 1.
152. Тер-Минасова, С. Язык и межкультурная коммуникация / С. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
153. Тернер, В. Символ и ритуал / В. Тернер. – М.: Наука, 1983. – 277 с.

154. Тираспольский, Л. Эстетика интернета [Электронный ресурс] / Л. Тираспольский, В. Новиков – Режим доступа: <http://www.netslova.ru/tiraspolky/estetika.html>.
155. Топоров, В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С. 341–342.
156. Трифонов, С.А. Язык брэнда и область коммуникации [Электронный ресурс] / С.А. Трифонов – Режим доступа: www.jurnal.org/articles/2008/ekon89.html.
157. Успенский, Б. А. Язык. Семиотика. Культура / Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 360 с.
158. Федосеев, П. Н. Мировоззрение, философия, науки / П. Н. Федосеев. – М.: Наука, 1979. – 379 с.
159. Философский энциклопедический словарь. – М., «Советская энциклопедия», 1983. – С. 407.
160. Фихте, И. Г. Наставление к блаженной жизни / И. Г. Фихте. – М.: Канон+, 1997. – 400 с.
161. Фихте, И. Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии / И. Г. Фихте. – Соч. в 2-х томах. – СПб.: Мифрия, 1995. – 686 с.
162. Флоренский, П. А. Имяславие как философская предпосылка / П. А. Флоренский // Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – С. 287.
163. Флоренский, П. Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – Москва, «Правда», 1990. – 827 с.
164. Флоренский, П. Логос против хаоса / П. Флоренский. – М.: Знание, 1989. – 59 с.
165. Флоренский, П. Сочинения в 2 т. / П. Флоренский. – Т. 2. У водоразделов мысли. – М.: «Правда», 1990. – 447 с.
166. Флоренский, П.А. Магичность слова / Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – М., - 1990. – С. 258.

167. Флоровский, Г. Пути Русского богословия / П. Флоренский. – 4-е изд. – Париж: YMCA – Press, 1988. – 503 с.
168. Фомина, М. Н. Культура: логико-методологическое обоснование / М. Н. Фомина // Вестник забайкальского государственного университета – 2012. – № 12. – С. 111 - 116.
169. Фомина, М. Н. Язык – рефлексия культуры в сфере культурного пространства / М. Н. Фомина // Человек и его ценности в современном мире VI Международная научно-практическая конференция. Под редакцией К.Г. Эрдынеевой. – Чита, 2015. – С. 186–190.
170. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М., 1988. – 704 с.
171. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков: «Фолио». – 2003. – 503 с.
172. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
173. Ханнанова, Ю. Ф. Гносеологический аспект в понимании любви у византийских мыслителей (на примерах текстов Псевдо - Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина) [Электронный ресурс] / Ю. Ф. Ханнанова // София: Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. – Выпуск 6. – 2003. – Режим доступа: <http://virlib.eunnet.net/sofia/06-2003/text/0615.html>.
174. Холличер, В. Человек в научной картине мира / В. Холличер. – М.: Прогресс, 1971. – 431 с.
175. Черкунова, Е. В. Взаимодействия языка и культуры в работах А. Вежбицкой / Е. В. Черкунова // Вестник Российского философского сообщества, 2007. – № 1. – С. 180–182.
176. Чукавин, В. Г. Язык тоталитаризма [Электронный ресурс] / В. Г. Чукавин –
– Режим доступа:
http://zhumal.lib.ru/c/chukawin_wladimir_gennadxewich/iazyktotalitarizma.shtml

177. Шевченко, В. Н. Критика или культурный погром / В. Н. Шевченко / Марксизм: PRO CONTRA. – М.: Республика, 1992. – 331 с.
178. Шемякин, Я. Г. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта / Я. Г. Шемякин // Общественные науки и современность. – 2014. – № 2. – С. 113–123.
179. Шестаков, В. Эрос и культура: философия любви и европейское искусство / В. Шестаков. – М.: Республика; ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. – 464 с.
180. Шестов, Л. Что такое большевизм? [Электронный ресурс] / Л. Шестов – Режим доступа: <http://shestov.by.ru/bolsh/b0.html>.
181. Эпштейн, М. Идеология и язык. Построение модели и осмысление дискурса / М. Эпштейн // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 19–33.
182. Эпштейн, М. Слово и молчание в русской культуре / М. Эпштейн // Звезда. – 2005. – № 10. – С. 202–222.
183. Эпштейн, М. Слово как произведение: о жанре однословия [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Новый мир. – 2000. – № 9. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/autors/e/epshtejn/>.
184. Эпштейн, М. Язык бытия у Андрея Платонова [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Вопросы литературы. – 2006. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/2/ept9.html>.
185. White, L. A. Ethnological essays / L. A. Whate. – Albuquerque, 1987. – P. 22.